

С М И Е Ш А

23-24

1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

„СМЕНИ“

ФЬАМЕТТА

Джованни Боккаччо, побочный сын флорентийского купца и французский поэт, открывался на отцовских досках в лувэврийской Неаполь. Оттуда он выдвинулся еще до распада. Ночь уже не резидова в день, когда, усталый и располневший, он приехал в грабидань Виргила на берегу моря. Внезапно, словно сонидная с несом мелина, приставила перед ним светлов выдвину. Грозившая и вазидная, ирис красавица в золотом обисидии—одна надежда—весело пристыдилася молодого поэта. Он был восторжен и восторжен, сдвинулся вперед и вперед. Грозившая и вазидная, ирис красавица в золотом обисидии—одна надежда—весело пристыдилася молодого поэта. Он был восторжен и восторжен, сдвинулся вперед и вперед.

ТАК ПИСАЛ ЕСЕНИН

Ничего не оставал на Сергея Есенина в достяке такого большого влияния, как до-стар-старого. Дед его был большой знаток устного народного творчества. Сам Есенин сочинять стал еще очень рано, лет с десяти. С 1914 года его стали печатать в журналах. Первый сборник его стихов—Гадулина—вышел в 1918 году в Петербурге.

У Сергея Есенина была своеобразная творческая манера. Он никогда не планировал на бумаге. В черновиках его редко можно обнаружить следы первоначального насчетского труда. Обычно стихи складывались в его голове целиком. Он читал их всегда вслух. Читал вполголоса и вполголоса. Читал вполголоса и вполголоса. Читал вполголоса и вполголоса.

Насивание не всегда удовлетворяло поэта. Прочитавшему Есениным стихотворение казалось вполне законченным, но поэт продолжал его записывать, то делал это типа «нашистик строчку, завершает, снова нашистик и опять завершает». Потом нашистик совершенно новую строчку. Обложив и створив на бумаге с начатым стихотворением, возьмет другой лист бумаги и напишет почти без помарок. Случае некоторых недовольства он принимался за обработку. Начале осторожно, но часто поэт изменял так, что ничего не оставалось от первого варианта. Если ему стихотворение почему-либо не удавалось, переставал писать его. Боккаччо утил на голову, он заснул лежал на кровати, ни с кем не разговаривал и не забыл, когда его в таком состоянии Есенина в таком состоянии и спросил: — Что с тобой?

Есенин ответил: — Не мешай, пишу. Отдавая записное Есенин писал некоторый ритм, но не того, как он, читая произведение вслух, вслушивался в ритм.

Помню у Есенина исключительная. Он походил и читал вальсу, все свои стихи и каждую вещь мог прочесть в любое время дня и ночи.

Работа Есенина усидчиво и быстро. Другая заставляла его извлекать стихи со стеном для серьезного с ногами на подоконнике. В руках востыли листы бумаги и открылся карандаш. Если произведение было дохот бы вчерне или частично написанное Есенина, его сейчас же зачитывал целиком и зорко прислушивался к лицам слушателей.

Исполняя 20 лет до дня смерти Сергея Есенина. Неудачная попытка сделать устное произведение, слоганное прекрасные песни о Родине, молодая крупная опечка на все его творчество и писатель и истинно юному. Но очка и выше его лиц стеном, и выше... и... и в лучшие годы расцвета поэзия Сергея Есенина.

дом для создания («Демонстрация—ста всеядных новелл, вышедших его в виде повестей и рассказов прозаической литературы. На первой странице «Демонстрация Боккаччо писала в своем повествовании, что этого вида не меня не отменишь, и всегда буду твоим покорным слугою... Любимое заставляла меня претерпеть много бед от жестокости любовной женщины».

Возвращаясь Фьяметта заканчивает Лигурийскую повесть, страстная любовь Боккаччо и Марии Аквино. В конце Фьяметта Боккаччо рассказывает о бурной ревности, неуголовной в Неаполе. Это признание описаны Фьяметта—признание своего Боккаччо.

Джованни Боккаччо скончался 570 лет назад—21 декабря 1378 года. Не поэтическим или же Фьяметта—это в истории мировой литературы стало бессмертием.

Я. Кочин

- Вселолод АЗАРОВ — Мечта Севастополя. ★
- Леонид КОРОБОВ — В лесном блиннике. ★
- Иосиф ХЕЙФИЦ — Повзрневшая Япония. ★
- Б. ИСАКОВ — Сук настала Фото Е. ХАЛДЕЯ. ★
- Шайк через 20 лет. ★
- Александр ЯШИН — Великий закон. ★
- К. ЛИСОВСКИЙ — Легенда. ★

Джованни Боккаччо

ГИБЕЛЬ АЛЕКСЕЯ УХТОМСКОГО

...В декабре 1905 года в Москве шла жестокая битва восставшего народа против царства. Улицы покрылись баррикадами, вооруженное население было в полной разгаре.

Родимая дружина Кавказской железной дороги активно участвовала в борьбе с войсками. Из тех республиканцев в самых ответственных местах появились невольные чемпионы со сплоченным лицом и задумчивым взглядом.

...Он часто улыбался, переправлял густые улыбки и подкатывали слезы. Он часто улыбался, переправлял густые улыбки и подкатывали слезы. Он часто улыбался, переправлял густые улыбки и подкатывали слезы.

...Назначившего воеводой на Кавказе Алексея Ухтомского в станице Перово. Лободы, Коломна... Цель и миссия Перово, общающаяся, мастерски уличивать бегущих дружинников.

указывая арестованных не видеть и действовать беспощадно... Он приказ командира Семёновского полка капитана Мина получить мальчишку из арестованного отряда полковника Рязина. Он исполнил его в точности.

На стороне царских войск был и явный пропуск в семье. Дружинники решили распустить отряд. Они решили, чтобы тайком прибыть в Москву и в огромном городе уйти от царства.

Алексей Ухтомский, убежденный, что дружинники уходят от расправы, начал лопатить в слезах. Дружинники и везли, он проследил станицу Любимую и влез в местный трактир. Он стонами сказал рабочим и швейцару: Ухтомский пошел и я им, чтобы узнать новости.

Неожиданно телеграмма донеслась и вознес опровер в сопровождении следов. Началась невольная обстановка. Офицер пошел в Ухтомский. Он вышел от синими, промокшими и в раскаты начал: Вы — министр Ухтомский. Вы будете расстреляны. Ухтомский спохватился ответил: — И я тоже.

... Так погиб один из героев, которого выдвинул рабочий класс, — рядовой солдат революции.

На первой и последней страницах обложки: «ЗИМА» — фотозолотый И. ШАГИНА.

Севастополь — город вечной славы.

Фотограф Е. Халдея

Мечта Севастополя

Мы хотим напомнить об одной первоочередной работе, которая предстоит народным изобретателям — депутатам Верховного Совета СССР. Мы говорим о восстановлении разрушенного врагом. Восстановлении промышленности в ее прежнем объеме. В местах, где побывали гитлеровцы, возродились города и сёла, повернулись кты и пелье. Нине эта работа уже кинит повсюду, и в каждой точке она будет приобретать все больший и больший размах. Помечтаем же ниже очерк Вс. Азарова рассказывающий о делах и людях североанжеев Севастополя, стремящихся залечить раны города-героя и возратить ему былую красоту.

У высокой стены уничтоженного бомбой здания примостилась разбитый деревенский домик. Внутри в два яруса восточные койки. Здесь мы и поели. Мы до двора бежала вода из крана, она подавалась утром и вечером, дорогая ещё для североанжеев влага. Тонкая струйка стекала в ведро. Увидев очередь женщины на водой, я специально подошёл к таким же очередям ленинградских женщин в дни блокады. В месяцы самых грозных испытаний к нам долетало в Ленинград обаяющее слово защитников Севастополя.

Нечто разрушил Севастополь. Позднее в Ленинграде мы видели чудовищные жерла немецких орудий, подступавших к Чёрному морю к Валакии. Они там и увидели, но успев свести к нулю своё дело. Но по Севастополю эти орудия били.

То дома, которые чудом уцелели во время штурма города, были сожжены гитлеровцами при отступлении. Числры больниц, театр, культурно-просветительный и музыкальный техникумы, биологическая станция Академии наук, электростанция — трудно перечислять все культурные учреждения, которые уничтожили немцы. Бомбой было взорвано здание известной всему миру панорамы Севастопольской обороны. Знакомые каждому черноморцу улицы Ленина, Карла Маркса, Фрунзе заросли колючим бурьяном. Только узенькие тропки, проложенные пешеходами, видны среди зарослей.

Нечто разрушила дымовая, но не смогла уничтожить бесмертвую аулу города. Прославившиеся места обороны 1934 — 1935 годов считаются с памятниками недавних боёв: бронзовый Тотален с отбитой немецким снайпером головой высятся среди развалин рядом с ним статуя черноморских матросов. Они как бы приглядывают и сегоднешним героям — так сильно здесь тоскующая переключка поколений.

Но главное, что волнует в Севастополе, — это не камни, опалённые огнём и кровью, а люди города.

В североанжеевском городке партия, пока его секретарь был занят чередой неотложных дел, я бережно перебрала книгу «Страницы, отпечатанных на машинке. Это драгоценная реликвия, боевые листовки, выходявшие до последнего дня сопротивления Севастополя. Я узнала из них множество волнующих деталей: как выпекались для детей лепешки в тонком слое стекла, как выжили североанжеевцы в свои убежища розы, жасмины, гвоздики. Это происходило в ту пору, когда город был превращён врагом в ад. Я читала маленькую заметку «Плантационный Севастополь». Невероятно строг, но ещё сущий джентльмен помы. Зеленина была шеффером продовольственной базы. Однажды, когда она вела под опийку в долину рату, её десант впустил в голову вышибал газ. Покусав-

шая, истекавшая кровью, Мария Зеленина доставила машину с грузом куда следовало.

Оторвавшись от чтения, я прислушалась к беседе секретаря городкома с посетителями.

Несмотря на то что в городе ушлое только два процента освоенных зданий, население постоянно прибывает. Нет падала, ленинградский латки, строго зашпиенённый от ветра Углы, где не катается больше людей. Это те, кому дорога суббота Севастополя, его будущее, кто вернулся, чтобы строить здесь новую жизнь. Холодно, тоска, подорож толпы. Но североанжеевцы не жалуются на тяготы жизни.

Сегодня людям приходится здесь жить, бороться со множеством лишений. «Да метра в два этажа» — так называют североанжеевцы свои жилища. В доме, куда Красная Армия освободила город, в Севастополе было 18 жителей, через неделю — 1500, а спустя месяц — несколько десятков тысяч человек.

Насемне благодарно вспоминаю извещения, что, по указанию Сталина, Севастополь включён в число пятнадцати восстанавливаемых в первую очередь городов.

В 1946 году Севастополь получил 50 тысяч квадратных метров жилой площади. Город-герой стоит на пороге новой, созидательной жизни.

В крошечной комнате, тесно уставленной столами, свернутому трубку ватманом, чертили, архитектурные журналы. Я участвовал в этой работе с главным архитектором города Ю. А. Траутманом и его заместителем В. М. Артюховым. Оба они ленинградцы, только что вернулись с фронта. Трудным военным путём пришли они из одного героического города в другой.

Юрий Андреевич Траутман руководил строительством оборонительных сооружений на Царской высотке, уже координировал подразделения инженерных войск в штурме Кенигсберга, а сейчас проёхал всю Восточную Пруссию, наводил переправы через Одер. В шинели, в военном френче, с орденами Отечественной войны II степени и Красной звезды, Артюхов и сейчас в Севастополе кажется боевым командиром, сменившим один участок фронта на другой.

Архитекторы рассказали мне: — Мы приехали в Севастополь ночью. И то, что мы увидели в первые минуты, потрясло нас. Но этот город совсем не походил на другие, уничтоженные войной города. Нам вспоминало чувство молодой жизни, обосновавшееся в североанжеевских развалинах. Разрушенный Севастополь по-прежнему был воистинно красив, наполнен живой атмосферой. Город строили замечательные молодые, и мечта их оказалась сильнее смерти. Подойдте, мы покажем вам, каким видим будущий Севастополь.

Главный архитектор так увлекся, что, завлея меня в руины, на месте которых предполагается выстроить одно из красивейших зданий будущего Севастополя — театр, — чуждым был вместе со мной не провалился в какую-то яму.

Мы стояли на мёртвых камнях, посреди огромной воронки, среди угловатых, покосивших на гигантские корни согнутых тростниковых зарослей, основанного дворца. Вдуря я почувствовала заманчивый запах жарящейся рыбы. Откуда? Здесь не было и признаков жилья. Колодезя, печная труба, торчащая из шолой фундаментов, отвечала на вопрос — и тут обосновались люди.

И в дни войны и сейчас мы часто говорим о месте мечты в жизни. Архитектор, прошедший войну в боях и устремившийся сюда, чтобы участвовать в возрождении города, люди в городском комитете партии, решающие в жарких спорах вопрос о том, где должен стоять будущий центр промышленной зоны, кто обдумывает подлиннее советские романы. Но мечты их реальны.

Автор утверждаемого ныне проекта восстановления Севастополя профессор Баркин проделывает работу на центральных улицах, ведущих к морю, дома будут возводиться только на левой стороне правая, обсаженная террасами, усаженными декоративными деревьями, откроет сияющее сияние моря.

Гористость скалонов, изрезанность бухт, наличие пристани и самого флота — всё учитывается при проектировке воскресного города. В нём будет много зелени. Строгость, праздничность, классическая простота — в этих определениях угадывается будущее лицо Севастополя.

На другой день мы с главным архитектором побывали на горе Матюкино, в школе № 14. Её директор Галину Петровна в городе знают многие. До войны школой руководила её мать, Галина Степановна преподавала в старших классах историю.

Школа, выстроенная в 1937 году, равновеликая любому взрослому человеку. Восьмой классный кабинет широко коридоры, установленные яркими коврами, зелёные деревья в кадках, спортивный зал, библиотека. Родители и ученики любили школу, полагали педагогам сделать её ещё лучше.

Когда Галина Петровна с двумя малыми детьми вернулась из эвакуации в родной город, она с удивлением и благодарностью узнала, что девочки — бывшие ученицы — берегли некоторые её вещи: одна спрянула кинутовую утварь, другая — подушки.

Скорбные новости встретили Галину Петровницу: немцы замучили двух учителей школы. Многих учеников потеряла за время войны школа. Ушла в партизаны и погиб в боях дворовый юноша Василий Фёдорович. Работавшая в школе погиб десятиклассник лейтенант Коста Аленко. Героевски отдали жизнь за Севастополь Миша Мищенко и Володя Янкевич.

Когда недавно школу посетил делегация трудящихся города Махач-Кала, Петровна вынуждена была провести торжественное собрание на улице. Падал снег. Ученики стояли на амбисе, тесно прижавшись друг к другу. Знамя, которое вручили гости школы, потемнело, набухло от влаги.

Приезжайте через год, — сказала Петровна гостям, — мы вас встретим на на улице, а в светлом зале возрождённой школы.

Взвешивая-считывая, рабочие, школьный персонал, учащиеся восстанавливали лишь своими силами. Сегодня в ней привели в порядок шесть классных помещений, здесь участв в три смены 525 детей. Энергичный директор добивается восстановления школы полностью. Учительница Мария Ивановна в этот момент, когда ребята, бывшие ученики (теперь школа женская), пришли поздравить Галину Петровницу с датой, невольно взвученной ей в детстве, — Чествование по повелению «Красная звезда». На куртках

многих школьников светилась медаль «За оборону Севастополя».

Потребник говорит мне: «Передайте школьникам, москвичкам и ленинградцам: мы просим взять над нами культурное шефство. В школе не хватает книг, учебников, карт. Наш адрес простой: Севастополь, гора Матюшевская».

Главный архитектор общака Галина Погребник, что её школа будет включена в первоочередной список зданий, восстанавливаемых в Севастополе.

Мы миковали рыночную площадь, которая должна быть сношена, вокзал — его предполагают перенести ближе к городу. Мы шли к месту, дорожку для каждого севастопольца, к могиле лейтенанта «Красного лейтенанта» Шмидта и расстрелянных вместе с ним революционных митросов — Антоненко, Галдику, Частинка.

Сорок лет тому назад полдня Шмидт над крейсером «Очакон» знами восстания. Силы были неравными. Восстание жестоко подавлено.

Шмидт с гордостью называл себя депутатом севастопольских рабочих. Незадолго до смерти он писал:

«Я их депутат, знающим этим горжусь, и они давали мне больше счастья, чем вся моя жизнь, со всеми людьми, с которыми я встречался. Если когда-нибудь в будущем город даст деньги на памятник, то положите скалу, выгравировав на ней мое имя». На скалу бросить якорь (борьба, настоящий), наступил и воткнул в скалу флагшток с красным флагом из жести. Я поднял знамя революции русского флота, оставшегося

верным народом, и пусть этот флаг свободы развевается над моей могилкой...»

В 1922 году это последнее желание Шмидта было исполнено, а в 1942 году фашисты надругались над могилой русского национального героя и его соратника. Памятник гитлеровцы взорвали, взорвали цинковым громи, вырыли под фундаментом бандидаж, уничтожили барельеф с изображением крейсера «Очакон».

В первый же день, когда моряки Черноморского флота освободили Севастополь, пришли на кладбище Коммунаров, сердца их содрогнулись от горя и гнева. Черноморцы похоронили прах героев, сложили камни памятки. На раскопной тумбе вытесаны буквы: «Лейт. П. Шм.»

Короклетию со дня расстрела очаконцев, исполняющемуся в марте 1946 года, Черноморский флот и трудящиеся Севастополя возведут на могилах героев памятник, о котором мечтал «Красный лейтенант».

Новобудку от могилы Шмидта вытесит строгий обелиск. Здесь братская могила тридцати трёх подпольщиков, расстрелянных немцами 16 и 17 апреля 1944 года, за несколько дней до прихода советских войск.

В Севастополе в условиях жесточайшего террора работали две подпольные группы: одна в самом городе, другая в лагере русских военнопленных. Здесь выгукалась сначала рукописная, а потом выходящая тиражом в пятьсот экземпляров печатная газета «За родину». Она печаталась в подпольной типографии, созданной на печальке респанции «Мая коммуни». Подпольщики организовывали побег из лагеря, доставали с помощью населения оружие. В куске хлеба была передана взрывчатка.

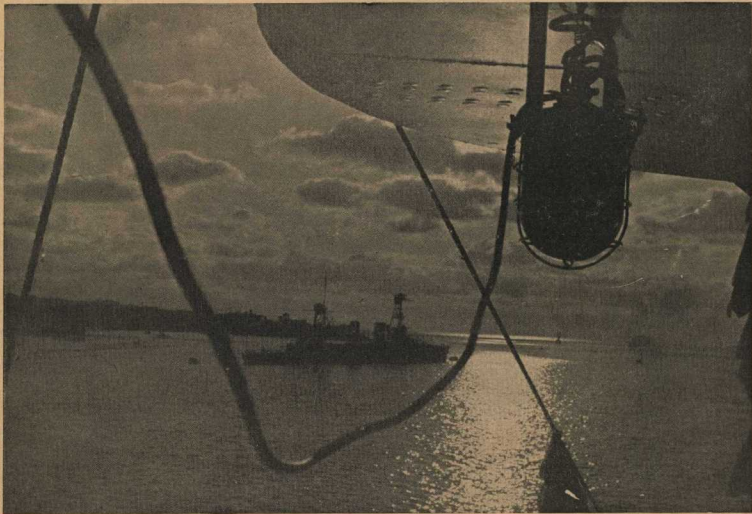
И вот уже взлетел на воздух скалы, уничтожен экипаж с горчичем. Душой группы подпольщиков военнопленных были офицер Ревякина и его жена. Нашёлся предатель, выдавший подпольщиков. Их расстреляли в Южарной балке, заложил в противотанковом рву. Севастопольцы обнаружилы могилу по окровавленной душегрейке жены Ревякина.

Севастополь никогда не забудет этих людей, отдавших жизнь за его освобождение.

«Я прошлась с городом черноморцев. Южная бухта была заполнена кораблями, слышалась перекачка пароводных гудков, гомон людей и шум машин, раздавала душу свежесть моря. В сумерках терпался очертания реалистических рунг.

И мне уже выдался новый, воскресия Севастополь — тот, что сегодня живёт в бесонной мечте его строителей, а завтра станет радостнойвью. Людей родит испытания. Ленинградцы знают это. Вот такое же братство, такое же кровное родство ощутил я среди севастопольцев. О Севастополе и о его людях хочется сказать словами Маяковского:

«Я знаю — город
будет,
Я знаю — саду — честь,
Когда так же люди
В стране
в советской сети»

Севастополь. Вечер на рейде.

Фотограф Ва. Макоша

В лесном блиндаже

Рассказ

Рисунок В. Урина

Сосны, как бы выбежав из чащи леса, оставались, перед серой в ночи асфальтом. Одноко и печально торчала труба сожжённой хаты. Лёгкие дымки поднимались над почерневшими сугробом.

В лесной тишине изредка раздавались треск покоробленного морозом дерева, фырявшие асфальды, скрипящие и соловьи шалаша, да редкие скрипы часовых. Иногда из-за срубов, в которых стояли пушки, доносился скрепянный говор артиллеристов. А затем над лесом и землей снова воцарялась тишина и покой зимней ночи.

В блиндаже, устроенном артиллеристами под сгоревшим домом, было шумно. В углу толпился железная лещка, складывавшая из бензиновой бочки. Один бок её от жара раскалился и бросил красные отсветы на сруб блиндажа. В подполье было жарко. Люди кучно сидели на полу, курили, обменивались новостями. На этом участке фронта наступало временное затишье, и комсомольцы гаубичного дивизиона пришли на собрание.

— Ну, пора начинать, — сказала кто-то из середины сидящих.

— Сейчас начнём, — ответил боец в каске, расставляя на ящике из-под консервов палку с бумагами; он окинул взглядом полулёгкое помещение поглаву, освещённое двумя керосиновыми фонарями, и сказал: — Итак, товарищи, собрание комсомольской организации нашего дивизиона считая открытым.

Он хотел сказать ещё что-то, но наверху раздался пушечный выстрел. От соревания воздуха мигнула фонари. Все прислушалось. Снова стало тихо, и человек, открывший собрание, продолжал:

— Мы не собирались, товарищи, почти месяц. Всем известно, что у нас не было для этого ни времени, ни условий. Но сегодня мы можем обсудить накопившиеся вопросы. Прошу предлагать президенту.

Выбрали троих. Они протиснулись между сидящими к фонарям и сели около лещины. Первый вопрос на повестке дня был, как и в каждой войсковой комсомольской организации в дни войны, приём в комсомол.

— Сегодня нам надо разобрать заявление лейтенанта Васильева, — сказала секретарь. — Мы все его знаем.

В блиндаже было шумно...

Присутствующию повернулся к высокому молодому офицеру. Он стоял у ящика, без каски, глаза его смотрели в тёмное пространство, в котором, кроме спящих, от новгородного света касок, ничего нельзя было разглядеть.

Сверху, где в дыро выхода светлелись

звёзда, посмыслась земля. Председатель сердито спросил:

— Кто там?

Сверху заворочались, а потом басовитый голос медленно прошептал:

— Это мы, из огневого взвода Васильева.

— Что вам надо? — поинтересовался председатель.

Послушать пришли. Нашего командира примыкает, — ответил бас.

Лейтенант тихо рассказывал о своей жизни, о семье. Он командует батареей... Когда Васильев умолк, один из сидящих на полу спросил слова и, не понимаясь, нерково сказал:

— Все мы Васильева знаем. Командир он исправный. Воюет, как полагается. Когда к дивизиону проворачивались фашистские танки, первым отразил атаку Васильев. Он же в упор бил и по окружающим нас автоматичкам. А потом он правильно думает. У него в батарее, не в пример другим, каждый из расчёта может замесить свои снаряды, из пулемёта и автомата. Это тоже в любую минуту может принести пользу...

Наверху опять кто-то заворочался. Мёрзлая комья земан упали на пол, точно камни, и бас недовольно заворчал:

— Ну, куда асфальт! Скажзз — скондау, так нет, не терпится...

— Шань би в свой блиндаж, — обратился председатель к находящимся наверху. — Ну, чего слытете?

— Да вот послушаем и уйдём, — снова прогудел невидимый бас.

В лесу что-то завизжало, словно зашвырнули в огромный свисток, и в стороне раздалась раскатистый взрыв.

— Вот подлата! Не даёте собранию работать, — сказал всё тот же голос наверху; но не успев договорить, как раздался ответный выстрел нашей пушки. — Так им, анафема! — удовлетворённо прошумел бас.

— Ну, товарищи, — обратился председатель к собранию, — кто ещё хочет сказать о лейтенанте Васильеве?

— Ясный человек! — сказал сидящий рядом на ящике. — На глазах воюет. Достойн.

— Кто за то, чтобы принять Васильева в комсомол?

Председатель не договорил. Его перебил востаный бас на пороге блиндажа. Он заругнул голос председателя и все разговоры вынужу.

— Батарей, слушай мою команду! За нашего командира по врагам огонь!

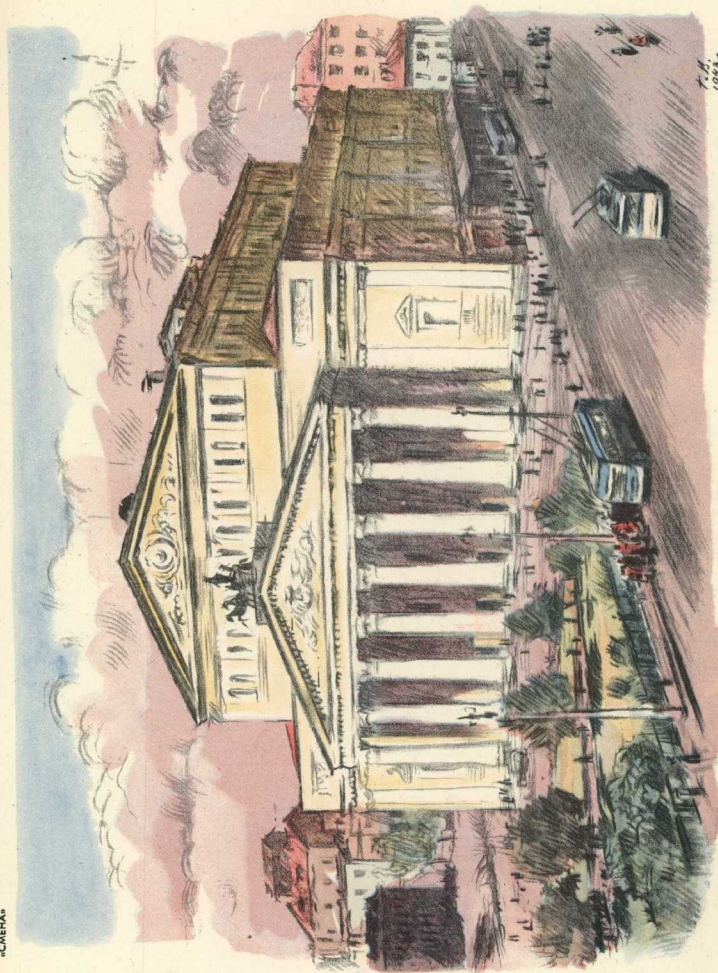
Грохнул залп пушек. Земля посмыслась, скосом брызнула нахвять, вздрогнула языки пламени в зачёрпанных стёклах фонарей.

— Что там такое? — спросил председатель.

— Это мы, — ответил бас, — из огневого взвода Васильева! За командира своего прокомсомовали!

Лейтенант единогласно был принят в комсомол.

«СМЕНА»

Г. С.
1983

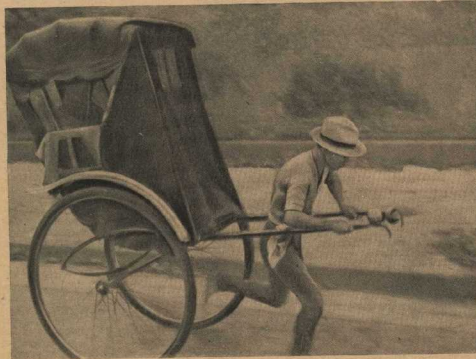
Автолинография г-да Г. С. ВЕРЕЙСКОГО

«Большой театр»

ПОВЕРЖЕННАЯ ЯПОНИЯ

Путевые
заметки

Мы летим через Японское море. Наша двухмоторная «Каталина» похожа на большую рабу. В штурманской рубке, на алюминиевой столшке, полённая карта. На ней красным карандашом прочерчена трасса. Она идёт от Владивостока через Японское море на юго-восток, пересекает Японию и упирается в маленькую точку на берегу Велюкого океана. Высота — 13 тысяч футов! Морозит. Борттехник варит какао на электрической плитке и утешает нас. В полуфарах из непромокаемого стекла мёрзнут у лупингетов два молодых красноплодца, шегодеватю одетых по случаю необычного полёта. Владивосток всё время передаёт частушки, чтобы мы не забывали от курса. Это надвигается фронтально, но через радиолокатор я вижу чешую облака. Этот умный прибор умеет видеть сквозь облака. Четыре с половиной часа полёта. Вдруг кто-то восторженным голосом Колумба кричит: «Земля!» Я бросаюсь к иллюминатору. Под нами Япония. Мы перелетаем хребты и прижимаемся совсем низко к земле. Чёрные, жёлтые, зелёные, бурые доскуты земли. Строгие, прямые линии каналов. Дома, храмы. Облака жмут нас всё ниже и ниже. Витки уже отчётливо видны машины на шоссе и японцы, задравшие головы. Покружилиши над Тихим океаном, находим нужную аэродром и идём на посадку. Это Аюги — километров восемнадцать от Иокогамы. Туман и дождь. Спрыгиваем в чакающую грязь и направляемся к толпе мушкетёров американских солдат. Сегодня погода невзлетная и ни один самолёт не поднялся в воздух.

Рикша на улицах японской столицы.

Это — Токио. Среди оборванных руин одиноко высится причудливая фигура...

II

Мы едем в Иокогаму на японском автобусе. Садим на машину вральдан неуловимый газогенератор, похожий на самовар. Автобус развивает скорость, не больше восемнадцати километров в час. Мы вылезем дымом и чадом, по размокшей и поганой дороге. За рулём пожилой японец с белой повязкой на рукаве. Он задумчиво водит баранкой. Рядом стоит покладистый от финляндского солдата американский солдат, жуёт резину и умыляется по поводу японской техники. Встретные автомобили, в том числе и легковые, тянутся, обдавая нас угаром и дымом своих «самоваров». В Японии нет бензина. Его эззатает только для императорских и министерских машин. Бензин весь ушёл на войну. Нефтяные богатства Голландской Индии, захваченной в своё время японцами, не дошли до метрополиси: не хватало кораблей для пере-

возки. Четыре года дымит «самовары» по японским дорогам. Сотни разных «систем», сконструированных в кустарных мастерских. Часадотора мы будем добираться до Иокогамы, если наша «система» не подведёт. Проедла километра три — и уже остановка. Шофер разваливает соломенный мешок и березко засыпает изювом порцию деревянных чурок...

Показала деревня. Крошечные поля, поделенные тщательностью и поражают ровностью грядок. Японская капуста, рис и ещё какие-то негодные овощи чередуются с расщипой лука. Соломенные крыши домов обветшали. Прежде аплатаха сияная одежда крестьян. Нищета! Женщины в робах и штанах — кимоно не ветрещишь теперь в Японии — заворачиваются с детьми в платки за спиной. Жалко смотреть на синихих младенцев, обшитых за спиной матерей с откиннутой назад, беспомощно болтающейся головой. Этот варварский способ пощечины детей у всех без исключения японских женщин, даже у культурных горожанок, нескоро мне рассказали, что массовая бичеурность японцев — каляды третьей ишинец за спиной, ребёнок всё время ограничивает своё зрение затылком матери.

Едем огородами-полями. Более часа. Американские «автоматические» обсаживают нас на каждом повороте. Ветречные ишинец бредут по грязи. На руках у всех жёлтые и белые воззники. Жёлтые означают, что это переводчики. У крестьянок огромные зонтики, да носки деревянные «сита» — самдани надобные маленьким скамечке. Скамечки эти предохраняют от глубокой грязи и держатся на переноске, протертой между пальцами ног. Мужчины пообостранно раскланиваются, солдаты козыряют. Медленно и однообразно тянется путь. Где же Иокогамы? И знаю, что это один из крупнейших промышленных центров Японии. Я жду, когда на грязные дачуги смывают одна другую, а дорога всё та же, унылая и пустынная, с бесчисленно барахтающимися в грязи газогенераторами и бредущими прохожими в солдатских обмороках.

III

Накопец, дорожный указатель: «До Иокогамы 3 километра». Мы в предместьях города. Лавуги из дерева, покрашенные горелым гофрированным железом. Грязь и лужи. Черные, поусожежённые деревья. Потерельцы. Из остатка сгоревших зданий они строят себе шалаши.

Обитаемая земля носит воду в блатов, из-за тазовина, стругот и сушат блате. Не ослось ни стуг, ни деев, ни труб.

Шосе расширяется. Ясно, что здесь была уаина. Трамвайная остановка. Черные деревья без листьев. Из-за деревьев торчат остыи дачной. Большая копейка. Шельа одиноко возвышается посреди площади. По непониманам приметам шофер ориентируется, сэраранит по асфальту бывших улиц. Одетые в чёрные френчи и бутале, ватники, стоят на мезине стах, где когда-то были уюты уаин, железные жаландры. У них крыше сабли и каскетки с японскими гербом. Сосем недавно они были горько населены, а сейчас никто их не боится и сами они не помнят, для чего стоят. Только потнительно козыряют проходящим машинам.

Темнеет. По выдуву проносится элетрический поезд. Шумом, ослось, и прибрежных садх кричат диакды. Несколько уделенных элетрич в центре Иокосимы, достроенных по американо-японскому образцу, освещены. Нам отводат для ночлега одну из комнат в здании «Шанхай-бляк». В пустом зале, где когда-то суетились клерка, стоят нарды, покрытые противоскатными сетками.

Мы ложимся на жесткие доски и несмотря на усталость не можем уснуть. От японских фодухе, похожих на оборотные матерней чирхётранше полотно, болят шея. Громко кричат диакды. Душно, как в июльскую аочь в Батуми.

В весте ута нужно быть на ногах. Из Иокосамской бухты отправляется в Токио эмигрант. На нём мы лодкам к «Мисусиро» — американо-японскому лайнеру, где будет подписываться акт о безоспорной капитуляции Японии.

IV

Второе сентября. Шест часов утра. Через несколько часов мир узнает о подробностях капитуляции Японии. В Москве ещё ночь, а здесь уже взошло солнце. Оно в тумане. Над океаном белое море. Только бы не опоздать к машинам! Ждать не будут. Мы спешим, на ходу жуя солёные американские гаплетты. До назначенного времени ещё десять минут, но десяти пятнадцати корреспондентов и кинооператоров всего мира уже берут на abordж колонию грузовика и ставки генерала Махартура. На две грузовика летят плавающие машины, съёмочные камеры, аппараты. За ними ватаги военных корреспондентов и распорядителей. Операторы недоловыми: густой туман не даёт им разберутся.

Иокосамский порт. У пирса эземелен «Буканган». До Токио-ской бухты как с четвертью хода. Вот поплыли назад пирсе и Иокосамский маяк. У каждого из нас в лодке есть фонарь и деака. У меня — «Эйза. Мое место — на третьей палубе, вдоль зявога борта «Мисусиро», прямо над солонкой, где будет происходить церемония. Она расплыва по минутам.

С зявога борта подходим к громаде «Мисусиро». Команда в полн, парадной форме выстроены вдоль борта. Только ветер не пустил навох. Их чёрные лица выглядывают из иллюминаторов. Целый час длится размещение людей и расстановка съёмочных камер. Нам всем на место. Выносятся столы, покрытый зелёной скатертью. На скатерти пивко. Принесают повую, более чистую. Натягивют съёмочные делегация. Призывают представителя Советского Союза генерал-майор Дерезинко и все советские делегации. Садут хорошо видна на палуба, и мы знакомы переговариваемся с операторами. Они показывают большой палец — у них всё в порядке. Одни из иностранных корреспондентов бесцеремонно позволяют блокует мне на спину уаиче, что то плещет. Остальные тоже не дремлют: поставив на пол машинки, они выставляют начальные строкы корреспонденций.

Я никогда не забуду этой внезапно наступившей тишины. Она подёрживалась едва слышным стрекотанием сотен съёмочных камер. Никакая режиссёрская выдумка не могла бы соперничать с естественной выразительностью арокосающего. Как живой символ поверженной Японии, появляется на палубе японский министр Мамору Сигемуну. Он хромает. В тишине ясно слышится его верные шаги. В вылилке, в цилиндре, удивительно старомодной и главно напыщенный, как факельщик, с желтым лицом и злыми, тонкими губами. За ним такой же напыщенный секретарь, прямой, как восклицательный знак, с маленькой голзой на тощей шее. Сигемуну рывок тросты и подмает её. Обтирает платком вымученный пот, он снимает цилиндр и подводит к столу. Они садится в кресло и подписывает акт. Солд объективно жалат его, асхнахают магнзные лампы. Визволенный и счастливый молодой парень — китайский оператор — с азартном смеет это исторический момент. Наши операторы опять показывают большие пальцы. Всё в порядке. Скоро зрители Советского Союза увидят на экране всё, что произошло в это утро — утро, когда окончилась вторая мировая война.

V

Дождливым утром мы выезжаем из пустынной Иокосимы в Токио. Как и везде в Японии, нет ощущения, что проезжаешь из города в город.

Обычно обжитый загородный простора, полей, околды. Поля перепаханы с уаинами, заводы с деревьями, сады с высоковольтными линиями, которых так много, что они становятся составной частью пейзажа в этом районе. Мы проезжаем Кавасаки — крупнейшая промышленная зона, центр военных заводов, кузница японского империализма. По обе стороны шоссе одиножакие здания заводских контро. Вот — линии обгоревшие пустыри, услышанные охотками обгоревшего железа. Вдали, на-

В разрушенных кварталах.

сколько хватает газа, цела роща серых заводских труб. Самоуверенные японские политики считали свои острова лесостепными. Они построили промышленные центры в одной стране, облегчая работу союзной авиации. Заводы и склады занимают огромную площадь вдоль берегов Такадзэи. Плодородная долина этой реки, отделяющей Кавасаки от Токио, больше непригодна для земледелия. Горные районы отведены помещикам яркам и родолюбивым помещикам. Красотой японских парков любуются многочисленные туристы. Все эти «эстетика», приятная для глаза, больше отвлекается на жалуде японского рабочего и крестьянина.

Удэ Тамагаса. Широкая река, проле Среде Дняпра. По берегам всё ещё тнуется заводы. На свободных клочках земли колышется рабочие, возделывающие крохотные ого-

роды. Никто не больше двух метров ашпы. На их шеи всё тот же вездесущий лугу. Внизу, у реки, несколько рабочих, стоя часами в жёсткой борьбе, вдувают воздух в выдувательные колёныи на палубе. Выдувательный колёныи тогда копыи, они высятют содержание несколько чёрных, как антрацит, ракушек — в маленький чёлд. Утро промалоде. Синеет от холода и от тумана. Выдувательный колёныи, японцы терпеливо продоужают работу. Эта добычка — дневная норма рабочего. Содержание ракушек идёт в пашу.

VI

Японская столица раскрывает перед нами уже знакомую завару пожарши. Прошло около года с тех пор, как бойцы американцев зажали деревянные районы Токио. В огне там мы слышали смешные и горькие рассказы о массовом обучении японского населения борьбе с выдбтами. Нам рассказывали о нивных играх с верёвками, с брёвнами и горючими лудками соломи и о хвастливых доуных японской противоздушной обороны, надевшиеся этими шабонами защититься от зажигательных бомб. В то же время люди жили в своей столице несколько сот тысяч эвакуированных — жилище пяти миллионов человек — извостный пороховой клуб, для которого достаточно снапчик, чтобы превратиться в костёр. Мы выезжаем в Токио и медленно движемся среди пожараши. Полусгнившие деревья похвываются жёлкой листвою, проступила трава между кучами щебня. В собачьих конурах вояет погорельцы. На пурхоты торчат, как символы былого величия, нестерпимые шаффы. Но в они почерчели и выдулись. Постепенно нарастает ожогание улиц. Много пешеходов, и ещё больше велосипедистов. Япония — страна велосипедов. Велосипед для японца — то же, что лошады для монгола. Ездят японцы виртуозно. У многих трёхколёсные велосипеды, приспособленные для перевозки багажа. В багажниках доски для строительства, листы железа, тонкие вешки и даже газопроводы. Везде понаплены вазы, наполненные водой. Везде одностажные магазины и лавок, чудом уцелевших от огня, шумот, стуча сандалиями, серая японская топа.

Куда делась весёлая её пестрота? Что осталось от страны Утопичной эхоткии? Где юные цветы и девы, кризисные тейши, карлковые сады, бумажечные фонарики?

Топля в защитных солдатских френчах и стандартного покроя каскетках движется по уцелевшим тротуарам. Все ослемы омыакою: дети, студенты, государственные чиновники, рабочие и учёные.

Работ Сабэ. Он извлечены рыльные районы юпки. Здесь были бумажнические лавки, магазины удебиков и школьный инвентаря, бумажечные издательств и Фельдшери Сайбэя никто не покупает книг. В школах и университетах давно лият занятия. Умчащиеся заняты лавяющей пожарши и дожанской лица потогривам. Не видно уличной торговли.

В Токио много городских соединяет различные районы города. Остаивающиеся у одлого из кварталов Фельдшери Сайбэя. Отсюда отправляются войска на фронт. Деревянные галереи зашиты минутью. Небольшой поезд останавливается весте вагонов. Дневной свет с трудом проникает к закрытым платформам. Везде реклама питательных таблеток и всеческих ливидных эршен. Много солдат и офицеров. Солдаты демобилизованы, остаются поезда, стремятся покосоре добраться домой. Они навьюжены доотка. Командование разрешило им взять с собой всё, что можно унести. Это один из способов сохранить неприступную армию. И видны весты Сайбэя Сингава, в казармах Сетаян, на сельских дорогах в Хакози и в Атуги.

На снимках: слева — токийская окраска; справа — очередь за овощами.

VII

Среди «реалистич» японской военщины знающее место занимает храм генерала Нои. Этот генерал командовал столичской армией японцев, осаждавшей Порт-Артур. Генерал Нои воевал в ранг богов, после того как всаю, одо себе живот, узнав о смерти императора Мейдзи в 1912 году.

Входя в большой тенистый сад. Крик чайки, издали эти постоянные разрушители гнилых в Японии. Крик их вхолок на квакающие древесные лягушки где-нибудь на квакающем берегу. И жара совсем кавказская.

В саду толпятся японские солдаты, пришедшие поглядеть на дом генерала и попольовать зубы священной водой из колодца. Таким способом они, по японским правилам, избавляются хрибрости не меньше, чем была у генерала.

Через овраг видны тонущие в полумраке матовые стены старинных японских комнат. Мебель — вышпанные деревья, висящие на стенах. Вокруг дома-храма деревянная галерея с перилами, простроенная, очевидно, уже позднее для удобства зрителей. На лестнице парадного входа, на галерее — солдаты. Японский офицер привел их сюда, хотя армия распущена и избираться хрибрости уже поздно. Но у офицера, видимо, свои взгляды и свои планы...

В глубине сада, под деревянным трибом, небольшой каменный колодец. На плите колодца деревянный ковш. Он поочередно от времени и местами прогнил. Два молодых солдата благоговейно стоят у колодца. Один из них набрал ковшом воды, пригубил, попольсовал рот и мыллицу. Из лица слышны, Это деревенские парни. Они пошли в серию, то, что хрибрость и отгага генерала Нои переселились в них вместе с ключевой водой.

Я смотрю на их широкие лица и по-детски раскрытые рта и думаю о пресловутых «камикадзе» — японских смертниках, которых японская военщина вербовала среди таких вот темных деревенских парней.

VIII

Вот она, Гинза — токийские сити, районы банков и бирж, магазинов и деловых кварталов. Нюхота шумная, веселая, сверхкакая зрелищных парадом, дорогим шиком, исключительных кафе, где кормили лютыми осьминогами и белоснежным рисом. Я видел в японской кинохронике быстрое оканчивание этого района. Японская пропаганда одною поддерживала версию о Японии — стране миллции и мировой красоты. Эстетическая маска, под которой скрывалась подлинная Япония-хищница, была жестоко надета и ярко раскрашена. Туристские бюро ввозив своих клиентов в Хаконь, а по возможности в Фукуяму, и услуждали их слуху детскими о любознательных самобытных и о журиатах, брошенных в расквашенный крик вулкана. Богатые путешественники — египтологи из Свято-Франциска — считали своей непререваемой обя-

занностью полюбоваться цветением вишни, послушать мелодичный звон колокольчиков на крышах буддийских храмов, купить дорогие кимоно, расшитые белыми цветками, итисеки, выкупать в горючих источниках отгага «фудзю», купить ожерелье из искусственного жемчуга и, наконец, пройтись по Гинзе...

Гинза — не улица, а целый район. В Японии, при всех ее лютых походах на Америку, не существует улиц. Их не было в старину, нет и сейчас. Только разделы на районы. Каждый район, охватывающий большую площадь (в Токио до войны жило 7 миллионов человек), разделен на подрайоны. Подрайоны имеют номера домов. Доставить письмо или прийти по адресу не так-то легко. Границы подрайонов перепутаны. Нередко несколько домов имеют одинаковые номера — каждый из них принадлежит другому подрайону. Ничего нет удивительного, если рядом с домом № 17 находится дом № 86, и т. д. Япония консервативна. Она цепляется за старину, одновременно пытаясь быть сверхпрогрессивной. Азиатична и зачастую ухаживает в ней с небоскребами. Японию мы прозвали «серпной вибратор». В Японии движется по улицам по левой стороне, а лица передвигаются слева направо, счет на пальцах ведется не с мизинца, а с большого, двери открываются в неубочную сторону.

Теперь Гинза пуста и безлюдна. Дома живут черными провалами окон и витрин. В магазинах пусто.

Спускаюсь по узкой лестнице в одну из центральных станций токийского метро. Газерки привозят меня в небольшой, затхлый и грязный вестибюль, освещенный тусклыми лампочками. Пустынно и тихо на платформе с низко нависшим потолком. Минут десять жду поезда. Наконец три вагона медленно подползает к платформе. Дело происходит в подполье, но публики мало. Многог разовов, с которыми метро связывало центр Токио — Гинзу, — уже не существует в природе. Выхожу на воздух. Поезд моталый, тупишка метро улица какается оживленной. Из-за угла выходит странная процессия: человек десять мужчин и женщин, одетых в национальные одежды, несут шести с прибавкой доскутума макури. На доскутах нерогатки. Впереди барабаник с там-тамом. Удари там-там затихают по поворотом улицы. Молча и уныло бредет за барабаником процессия. Таким способом японцы агитируют за сбор средств на восстановление страны.

Улыбка исчезла с японского лица. Об этой улыбке написаны целые трактаты. Улыбка японца высказывалась как признак благойродности и человеколюбия. Под улыбкой японский считал гора, чтобы не сорочить своим несчастьем окружающих и не портить им расположение духа. Я не знаю, улыбается ли ныне император, сомнамбульный занятии ботаникой с японией считал гора, чтобы не сорочить своим над всем человечеством. Не знаю, улыбаются ли правды крику и вдовствующая императрица. Но являю Японии больше не улыбается, я это видел: он узнал, что такое война.

IX

Мы ехали в деревню по дороге в Иокосуку и забилились. Жара спала, но было душно, и хотелось пить. Мы подехали к крестьянскому двору. Хозяин изломался и веткой конопособранной соломенной шляпе возился по средине двора. Его жена, повязанная платком ослепая на русский манер, выбрала палькой разложение на дворе Шюкюва — етогами. Мы не решились пить сырую мутную воду и попросили грущ. Сентарю — сезон грущ, мы рассчитывали отгадать японских фруктов. Хозяин сунул мне бутылку и отгадал, что дома у него нет ни единой грущи, все слыши Государство. Он предложил нам чаю, а мы утोलая жажду. Пока шюфер вложил машину, мы присели в тени за окошко дома. Я засиделся внутри. Кроме небольшого комода и статуэтки Будды, перед которой курялись свечи, в комнате ничего не было. Японцы — народ без вещей. Один японский писатель объяснял это обстоятельство тем же легкостью, с которой японцы скотрут на смерть. По словам писателя, ничто не связывает японца с суетным миром, кроме любви к императору. Излишние вещи и имущество не отгадывают уют из жизни. Я вспомнил об этой, мягко выражаясь, вальной философии, рассатривая крестьянскую комнату. Это была комната акуратного, но шдего человека. Имени сервантов, состоявшая из четырех черных лаковых чашек и вальчек, стояла на подоконнике. Хозяин налил еще чаю в черную чашку и подлил мне. Я протянул ему дюжину сентарю. Он взял, несколько хвалит глаз, начал раскланиваться, приводило с головом своей соломенной шапке. Он достал из ящика уголья, угля, закурил и вкусо затхлыв. Уже несколько лет он не курит настоящего табака. Табак забирала армия. Рис, рыба, грущи — все поедали солдаты. Армия съела Японию. Чем больше были завоеваны, тем сильнее голод и лишения. Мы попольовались с мозином и его женой и поехали отгадывать дорогу.

Солнце уже совсем садилось, когда мы подехали к черным руинам арсенала Хякуцун. Перед нами, несколько хвалит глаз, лежал лагерь погорельцев. Это был целый город бездомных. Красные лучи заката усиливали злозловую картину. Ни песни не было слышно, ни говора, ни смеха. Даже захватившие цыганки оставили, видимо, это неуютное место. У железных шпалей дымились костры. Женщины готовили обед. Среди развалин стоял интеллигентного вида старик в розовых очках и вытирал полотенцем чашку. Мы двинулись дальше. По дороге, извивавшейся среди черной лагери, потытавшись, брела женщина. Водя ее, казавшийся рыжиком из захватившего солнца, были вальмоушки и палки на голые плечи. Глаза женщины выдавали ее блудню. Она шаталась, потыта палки, спотыкалась, босыми ногами о железный мусор. Обстоятели женщины эти — обитательница лагери. Ватага художника не смогла бы придумать лучшего символа сегодняшней Японии, чем эта женщина, бредущая среди руинина в лучах захватившего солнца.

ПУРГА В ЗАПОЛЯРЬЕ

На Рыбачьем ветер скачет,
Снег берёт на рога.
Весь Рыбачий стонет, плачет:
— Ой, пурга! Ой, пурга!..

Снег взлетает, заметает
Все следы, все пути.
Кто шагает, тот вздыхает:
Поскорей бы дойти.

А по склонам разъярённый
Мчится вниз белый бык,
Мчится прямо, рвет ямы,
Нагребает горбы.

Над снегами бьёт рогами
Белый бык всё сильней.
Злобой пышет, сносит крыши,
С ног сбивает коней.

Чуть приостанешь, в небо глянешь:
Ни звезды, ни луны.
Ой, нехвата с горки катит
Белый бык валуны!

Стали санки. До землянки,
До тепла — два шага.
От землянки едут санки
Дальше, дальше в снега.

Ты блуждаешь, ты не знаешь,
Где дорога идёт.
Тут не диво на заливе
Провалиться под лёд.

Вьюга месит мрак белесый,
Заблудился — пропал!
Многих — верьте! — тут досмерти
Белый бык забодая..

Побывайте, попутайте,
Зарывавсь в снега.
Не умрете — поймете,
Что такое пурга!

Зима.

Фотохудож. А. Устинова.

Суд настал!

Фото Е. Халдея.

У дверей камеры

Вчерашние владельцы гитлеровской Германии, покорители Западной Европы, сидят под замком в Нюрнбергской тюрьме. Бдительная страна днём и ночью следит за поведением фашистских преступников.

Переверните страницу и поглядите на эти фотоснимки, читатели! Вы видите на них воочию последние судороги гитлеризма. Вы видите сканью подсыдающих, сканью позора в Нюрнберге.

Шайка главных немецких военных преступников, представшая перед судом Международного военного трибунала, хотела господствовать над миром. Она хотела поработить нашу отчизну, истребить наш народ. Ныне трибунал срывает последние покровы с её чудовищных преступлений. Из глубины минувших лет встают события, факты, даты. Рукou обвиняния история дописывает последние штрихи в картине величайшего злодеяния всех веков.

В списке преступлений германского фашизма предсмертный крик жатери и слёзы младенца, агрессивная война и массовые убийства, развалины городов и ядские песни Освенцима, международный рабский и введённые переработного рабства в XX столетии. То, что мы слышим на процессе, наполняет сердце каждого честного человека негодованием и старанием. Внимательно читайте материалы Нюрнбергского процесса, юноши и девушки! И пусть каждый из нас даст себе клятву: это никогда не должно повториться!

Германия издана была превращена её хозяевами в колоссальный военный лагерь, где

не смолкали лязг сабель, зловещий барабанный бой, топот воинских колонн, обитавших прусский русский шаг. В канцеляриях германских министерств плелись сети международных заговоров и интриг. В кабинетах директоров земледельческих контор и банков строились планы господства над миром.

Система оболванивания германской молодёжи была подчинена одной единственной цели—

подготовке роботов войны, автоматов человекоубийства. Ещё в кайзеровскую эпоху верноподданый немец публиковал в газете по случаю рождения сына стереотипное объявление: «Рождён новый здоровый солдат для кайзера». Трёхлетнего Фишлена одедали на прогулку в военный мундирчик, ему давали в руки деревянную пушку и железную саблю. Ни в одном городе мира нельзя было увидеть в витринах

ПОСЛЕДНЕЕ ЖИЛЬЕ ПРЕСТУПНИКА. Здесь сегодня живут те, кто хотел господствовать над миром.

НА ТЮРЕМНОМ ПАЙКЕ. Обжора Герниг и чревоугодник Розенберг ирочно сидят у мисок с тюремным супом.

магазинов столько военных игрушек, как в Берлине. В немецких университетах были в почёте не ревизиты наук, а дуэлянты и бреттеры: великообразистый «буриш» шеголя фризюмной, изобродённой шрамами от ударов рашир.

Гитлеровская Германия жила, работала, неселась под мрачной тенью генерального штаба.

Ещё кайзеровскому генералу Бернгарди принадлежат слова: «Войну надо восстановить в моральных правах в глазах общественного мнения. Великое значение войны как самого мощного фактора прогресса культуры должно зарывать всеобщее признание в соответствии с её действительной ценностью». Из этого кладезя черпали свою мудрость гитлеровцы.

1918 год не образумил немецких империалистов. Они рассматривали первую мировую войну как неудавшуюся рететицию. Их не покидала надежда отыграться, азить реванши.

По части возведения войн генерал Бернгарди был шеком по сравнению с фашистскими заправиллами. Фашисты сделали человекоубийство своей главной целью. И когда

Суд идёт!

Шайка гитлеровских главарей встаёт по команде при появлении в зале членов Международного военного трибунала, олицетворяющих правосудие Объединённых наций.

хозяйя Германия — банкиры, заводчики, помещики — вручила гитлеровцам судьбу рейха, те создали военную машину таких гигантских размеров, о которых Мольте и Шлиффен могли только мечтать. Прибрав к рукам Германию, гитлеровцы полностью превратили её в разбойничий притон, в логово фашистского зверя.

Фашизм — это война и смерть, истребление мирного населения и концентрационные лагеря, гибель культуры и цивилизации. Фашизм — это кровь и грязь. Фашизм — это всё то, о чём докладывают в Нюрнберге обвинители Международного военного трибунала.

Ещё в первые дни процесса представители обвинения огласили «Директиву № 21», изданную Гитлером. Эта директива носила условное наименование «плана Барбароссы». «Барбаросса» — «Рижая Борода» — таково было прозвище Фридриха I, средневекового немецкого императора, прохвата и захватчика. Гитлеровцы окрестили его именем стратегический план агрессивной войны Германии против СССР. «План Барбароссы», составленный за полгода до вероломного нападения Гитлера на нашу страну, когда между СССР и Германией ещё действовал договор о ненападении, содержал развернутую программу преступных действий германского фашизма против нашей Родины.

Дополнением к «Директиве № 21» служил меморандум, автором которого обвиняли в Нюрнберском процессе объявлял Геринг. Меморандум Геринга, изданный за семь недель до нападения на СССР, негодил от «плана Барбароссы». В развитие приказаний Гитлера, его ближайший сообщник намечал задачи организованного разграбления советских земель, уничтожения советской промышленности, вывоза в Германию сельскохозяйственной продукции, истребления населения. С людоедским цинизмом Геринг намечал злодейские мероприятия, обрекавшие миллионы советских людей на смерть. Он писал, например: «Нет никакого сомнения, что в результате этого много миллионов людей умрут голодной смертью...» Так выглядели планы крова-

Страшная улика

Представитель американского обвинения Додд демонстрирует Трибуналу голову замученного польского юноши, засунутую ради забавы его палачам.

В мыслях о верёвке...

На первом плане — гитлеровские обер-палачи Штрайхер и Функ. Слева, за барьером, — душитель Польши Франк. Как видно, их одолевает одна и та же мысль...

Не избежать расплаты!

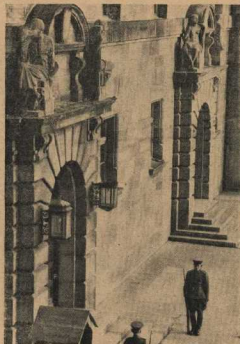
Снямая подсудимых. Отсюда гитлеровским преступникам одна дорога — на виселицу!

вой шайки, имеющей себя правительством Германии.

Во исполнение планов гитлеровских заправил орды немецкого фашизма вторглась в пределы нашего отечества. Начались поголовные убийства, дикие грабежи и зверские насилие, систематическое и планомерное опустошение советской земли. Страшная вакханалия преступлений против советского и других народов, о которой идёт сейчас речь в Нюрнберге, не имела себе равной в истории. Только фашизм мог сотворить такие злодеяния.

В предвоенные годы наша страна громко предупреждала народы о грозящей опасности. Советские государственные деятели и дипломаты, писатели и артисты, поэты и журналисты со всей силой разоблачали чёрные преступления фашизма и его прокси против всеобщего мира. Если бы другие державы прислушались к этим предупреждениям, фашистский зверь был бы задушен прежде, чем у него пролезали клыки. Но у кормила Западной Европы стояли в то время мюнхенские супинаторы, а народы слишком поздно убедились в том, что были правы мы, советские люди.

Особое внимание на Нюрнбергском процессе вызвали выступления представителей обвинения от СССР. Голос советских обвинителей — это голос всего многомиллионного советского народа, принявшего на себя основной натиск

У входа в здание суда

Вони Красной Армии, освободившей человечество от фашистского зверя, стоят на часах в Нюрнберге.

фашизма в мировой войне и внесшего гигантский вклад в дело его разгрома. С трибуны процессая этот голос звучит на весь мир, повергая в дрожь фашистское охвостье.

Перед судом народов в Нюрнберге не только два десятка главарей гитлеровской шайки, но и фашизм со всеми его преступлениями в целом. Нюрнбергский процесс призван внести крупнейшую лепту в дело морально-политического разгрома фашизма.

Корни фашизма ещё не выкорчеваны. Ни для кого не является секретом наличие широко разветвленного гитлеровского подполья в Германии. В Италии действуют неонацисты — наследники шайки Муссолини. Активности японских фашистов, по существу, ещё не поставлено подлинных препои. В Испании продолжает сохранять власть гитлеровский ставленник — Франко. Португалией правит десот Салазар. Даже в Англии и Америке поднимают голову доморощенные подражатели Гитлера, внушающие после окончания войны из концентрационных лагерей и тюрем.

Нюрнберг показывает всему свету, что фашизм таит в самом своём зародке смертельную угрозу всеобщему миру и существованию народов. Он должен быть искоренён без остатка, чтобы и следа его не оставалось на нашей планете. Решение Международного трибунала будет приговором народов, приговором истории.

К утру мой собачник превратился в настоящего лазаера...

ны были встать и кричать: «Да здравствует наш обожаемый староста!» Потом вдруг приехала комиссия ревизовать общественную кассу и наша староста повисшими на тесемках от подпитивания, а в кассе два крейнера и собачка померка. Староста оставил прощальную записку: «Мир моя не пошла. И, представляю, в деревне нашлись бесчестные люди, которые говорили: «Мы его, жулика, поняли, только слишком поздно, когда в кассе уже не осталось ни копейки». Видите, как важно помнить о потемстве.

Тем временем я оделся, потону спуну руку и держал вайлокца и вынул оттуда серебряный портсигар, который мне подарил один сын за то, что я привёл к нему заблудившегося пуделя.

— Уж очень вы быстры на руку! — сказала я строго.— Иначе-ка лучше займитесь сотрудничеством с немцами. Фюрер объявил войну России, положение напряжённое, я не удивляюсь, что посланы за мной.

Берлинский Бретшнейдер нерничает

И вот мы пошли. Типа из «Вайлки» закончил Пукрабек, он был вышодкой в жемсея правительством заведением «Готт синим солонце». Там он однажды выручил некоего Рыса из «Вайлки», которому немецкие власти поручили собрать чешский народ от яды, какого, я запомнил. Для расходов на производство ягот Рыс получил зарпядный куш и странно нахался в «Синем солонце». Сперва он спяно утвердил, что он Велиа делья ², а потом начал изменчивые речи о том, что ему-де заплатить на немецкие гроши, он мог получить хорошее место в кафе-штангане Клаудского и к немцам пойти служить из чистого идеализма. Наконец, он ухитрился до того, что назвал своё настоящее имя и начал гадосить, что в него влезла душа Адольфа Гитлера. Тут его жизни сразу возникла угроза, потому что один наш срелник лет закричал: «Дайте во лубак хотя бы одну...» Выпа-нахался потоскава. Рассудительные госы говорили, что тут, верно, оубеждать, ибо нет никаких сведений о том, чтобы в фюрере Адольфе Гитлере был какой-нибудь дух. Скорее, наоборот: как утверждал один из присутствующих, старенький учитель истории, дук Адольфа Гитлера, согласно новейшим исследованиям, нечел в равней форме. Кто-то шпигунца в Рыса бутылку. В это время гомеичу тридцатый момент прибежал Пукрабек и решительно заявил:

— Гость, есть гость, я никого не позволю обидеть. В пылом виде каждый имеет право объявить себя хотя бы Джексом Потрошителем.

Он взял Рыса на руки, вынес его в уборную и запер на ключ, спавнив таким образом от жестокого преследования. Вспомнил он о Рысе только на другой день, когда служанка пошла в уборную и вообразила, что там кто-то повесился. Рыс уже протрезвился, дал Пукрабеку руку и сказал, что он и вправду тот самый Рыс

из «Вайлки» и что он вознаградит Пукрабека по заслугам. Пукрабек, страшно перепугавшись, ушёл на колени и сльбно просил Рыса никому не рассказывать, что он, Пукрабек, спас ему жизнь, потому что это может испортить репутацию заведения. Но Рыс вранчо усмешился— так усмешился героя исторических романов— и неумолимо сказал:

— Не-от, приятель, теперь ты наш Тербетоб сам возм возмозим!

Всё это мне Пукрабек рассказал по дороге. Шёл он, сльбно хромая, и признался, что агитировать за сотрудничество с немцами — тяжёлый труд: ввара, когда он рыдалая листочки, кто-то смеялся ему лаской до негса.

Чтобы утешить его, я рассказал ему о Дринче, который за убийство был присуждён к смерти. Накануне казни он заказал себе последнюю ужину и отправился алверной колоской, так что его вместо висельника отвезли в больницу. Все уже думали, что он умер как честный человек, но доктора его выжидали. Один врач от него три дня не отходил. А когда Дринча поправился, его честь чествовали повесили. Так что от судьбы не уйдёшь.

Пукрабек поблелел и спрашивает, не иже ли я его и ввара. Но я его успокоил, сказав, что говорю не только о вайлокцах, а вообще.

Так, в приятном разговоре, мы подошли к трактиру «У чини». Там сидел некий тип весь в чёрном, на владяке черил в кости, а вид такой мрачный, как у разбойников на старинных картинах. Я подхожу к нему, подползаю его по плечу и спрашиваю утично:

— Пан из Прага? Моё потемнание!

— На меня осканьлся, как собака мисинка, и гаркнул:

— Вась?

И вот мы почили...

Я поглядил его по голове, чтобы он не думал, что я хочу его обидеть, и повторю: — Терр нитх фон Праг?

Он пробурчал что-то, из чего я понял, что это он — Берлин.

— А, — говорю я, — Берлин? То-то сразу вас запримечит. У нас в Праге гробовщики не носят такой формы. Ваша милость, наверное, служил в похоронном бюро в Берлине? Неудачно вас осканьлся. Хорош материальничать! А что за галунцы! И салюги, наверное, на заках, — ошулся я его всего и говорю: — Это не то, что наши пражские гробовщики, сразу виден прогресс в историчном деле. Я понимаю, ваша милость приехала, чтобы наладить чешско-немецкое сотрудничество в похоронном деле. Из-за войны вам не управиться самим. Но это хорошо, зато совершается ренессанс.

Мой знакомый гробовщик Гавлик всегда говарил: «Когда все дохнут, мы процветаем». Ежедневно, ваша милость, поводится ласкальщик для похоронной процессии, безо всяких переманной обращается ко мне. Мне стоит только апомнить покойного императора Франца-Исидора и моих полюбивших собачек — и я так зарыдаю, что прожохие будут оглядываться на меня.

Пан в удивле вынул, побил меня плечом, потому что сперва сканьлся за голову, а потом за ножку стула и начал с этим стулом гоняться за мной. При этом он рычал: «Марш синьяра» ³ — и нахрикнулся ещё какне-то хитрее, а я на губах у него появлялся пеня.

На счастье, я уже добрал поставили ножку, и я невредимо вывошел из трактира.

На улице меня ждал всемог перепуганный Пукрабек. Я про него и не вспоминаю, что первая попытка чешско-немецкого сотрудничества была неудачной. В таком деле надо быть настойчивым, как коммюнистер, продвигай пытосся в Берлин.

— Но Пукрабек не успокаивался и твердил, что мы оскорбили большую шинку из немецкой полиции «СС» и что это может иметь ужасные последствия.

— Ну, — говорю я, — если это так, то у покойного императорского шпика Бретшнейдера были бы повороче, чем у этого pana. Да и чему удивляться, молда, он уж ничне не та.

Пришло мне с Пукрабеком поехать на другой трактир и там успокоить его несколькими рюмками коньяку, так что сотрудничество с немцами мы отложили на другой день.

Швейк — военный корреспондент

После первой неудачи я и Пукрабек на другой день снова занялись за дело. «Пойдем! К нам ушёл паня Фоусеку, — говорит мне Пукрабек, — ему старый Гаха поручил возглавлять всё сотрудничество с немцами. Фоусеку-человек с заслугами: ещё в старой австрийской армии он получил орден Марии Терезии».

Пошли мы к Фоусеку. Нелегко было долго вам, победил к нему. Семнадцать раз я вылез и, каждый раз меня выставляли. За него и только он выдал себя за посольского от акурицы, за почтальона с запиской телеграммой, за убогого погорельца, за распространителя лотерейных билетов, за дальнего родственника, — и даже пытался прорваться в дом, прикинувшись собачкой и прицелась за широкой лобкой одной толстой дамы. Когда меня выловили, я укусил швейцара и залился таким ласем, что со всех сторон ушли обесчелены собаки и выбрались на проуходе, который мне в кармане незаконно добыту, незарегистрированную сосиску.

Подокон, однако, я перехитрил швейцара: направила вонше дом и сразу спросил по-немецки: «Герт Фоусеку?» Швейцар стал сам любезничать, отомкнул четыре железных репелючка, выключил три электрических лампацы и попросил меня на минуточку войти в створку, пока он наберёт асекречивую шифру на диске стальной палаты, которая была вставлена вместо двери в кабинет Фоусека.

Наконец, я вошёл в кабинет, вытянулся в стружку, отдал честь и кричу:

¹ На ломаном немецком языке: «Гостючий не во Прага»
² «Убаврайсь пов!» (по-чешски).

³ Приведение из чешских народных сказаний.

— Трижды хайль и единожды назар Фюреру Адольфу Гитлеру! Честь имею доложить, что я Иосиф Швейк, который служил в 91-м полку в Чешских Буковинах, сражался за государя-императора до последней капли крови и был уволен со службы как официальный идиот. В гражданской жизни я торговал собаками, а к вам явился, чтобы в качестве жалкого дана помощи великой Германии выйти из этого положения. Пан Фюсеук, эту войну мы должны выиграть, иначе мы её проиграем!

Фюсеук даже прослезился.
— Ничего, молодой человек, не пейте белой сыворотки Швейк, — сказала она. — Подите сюда, посмотрите...

Он вышел из здания коробочку с разными орденами и медалями, которые получил ещё в австрийской императорской армии. Особенно его радовал орден Марии-Терезы.

Я ему говорю:
— Пан Фюсеук, если вы их так любите, я вам принесу ещё. У меня дома целая коробка орденов и медалей. Дело было так: когда уже развалилась австрийская армия, одного генерала солдаты заперли в усадьбе в Ливне. Он слёзно просил нас выпустить его. Я говорю: выпустим, если вы направите всех как наших австрийских орденами. Вот мы выстроились около усадьбы, и на каждого приколол орден и сказал, что мы их заслужили тем, что спасли австрийского генерала от душной тюрьмы. При республике я хотел было ордена пропать, но чуть её попал в кутузку, так как золото оказалось имитацией.

— Да, да, — разозлился Фюсеук, — всё это проклятая республика! Равноправие, свобода — и никакого порядка. Вы только подумайте: при республике меня уже не уважали! Разве это могло быть при императоре? Только теперь немцы навели порядок. Не знаю, что люди ищут против них? Попорту тех не понимают моих подлинных устремлений.

Я в ответ:
— Это понимаю. Но недоразумения часто приводят к ужасным бедам. В Кладно один мусик забрал свою жену топориком, и произошло это исключительно по ошибке, из-за недоразумения: он думал, что у него в руках топорик, тугой, которым он бы только отпустил её. Но самое большое недоразумение произошло с неким Отроубеком из Пасек. У него большой противный пёс двоюродка, которого звали «Каквас». Бед деревня перестала с ним разговаривать, потому что, когда его спаникали, как зовут пса, он отвечал: «Каквас». Люди думали, что он грубиян и смеется над ними. Послали к нему деревенского полнейского, чтобы он официально выяснил, как зовут пса. Отроубек спокойно отвечает: «Каквас». Полнейский продолжает расследование: «Меня, например, зовут Пауоурек. Значит, ты пса назвал Пауоурек?» Но Отроубек, зная, терпит своё: «Пса зовут «Каквас». Возникло дело об оскорблении должностного лица. Потом пришла и Отроубеку соседка — старая дева — и осведомилась, как зовут этого миленького пёсика. Отроубек

Особенно его радовал орден Марии-Терезы.

опять за своё: «Каквас». Соседка зарделась и говорит:

— Как это мило, что я нашла, наконец, тонкую, чувствительную душу, которая ведь лишь думает обо мне и даже псу дала моё имя. Но нам надо кончить со свадьбой, а то могут пойти слухи...

Пришлось несчастному Отроубеку жениться на ней.

Но этим дело не кончилось. Однажды пёс за свой особо уродливый вид попал на собачью выставку. Под ним поместили табличку: «Историчный дворняга «Каквас». На базу на выставку заехал протектор Гедржих, обратил внимание на пса и велел перевести надпись на табличке. Переводчик был не особенно опытен и прочёл вслух: «Коржид реинер рассе ва заз!». Разумеется, вышел ужасный скандал. Гедржих обиделся, бедняжку-пса сразу же пристрелили, весь выставочный комитет повели в кутузку, а Отроубека гестапо до сих пор ищет, чтобы погнать за оскорбление протектора. Вот, видите, к чему приводит недоразумение.

Фюсеук нервничал во время моего рассказа и всё повторял:
— Ш-ш! Ш-ш! Не говорите мне этого, Швейк!

Потом мы очень мило беседовали ещё кое о чём. Фюсеук жаловался, что получает ежедневно много шкетов с куском верёвки и запиской: «Случай яблесса заблагоразумно сам». Этих послужок приходит столько, что его племянник открыл верёвочную торговлю. Я утешал его, сказав, что я сражался за императора до

последней капли крови и так же предано буду служить ему, Фюсеуку. Лицо Фюсеука просияло, и он воскликнул:

— Слушайте, Швейк, вы участник первой мировой войны и должны хорошо разбираться в стратегии! Ведь вы наступали и отступали вместе с австрийской армией. Пошла-ка я вас на фронт военным корреспондентом чешской печати. Вас люди знают, и читатель будет вам верить. Надо кончить со слухами, что немцам сильно досталось под Москвой. Говорить так — значит совершенно не понимать высшей стратегии фюрера!

Так я стал военным корреспондентом. В немецкой газете появилось сообщение: «Известный военный специалист Швейк выезжает на Восточный фронт в качестве военного корреспондента чешской печати».

На Виноградах состоялось большое собрание чехов для прощания со мной. Председатель произнёс речь, в которой говорил:

— Господа, всё в порядке. Германия в таком положении, и пан Гитлер и пан Швейк берут дело в свои руки. Так что теперь в исход не может быть никаких сомнений. Предлагаю три раза прокричать «ура» и честь того, что пан Гитлер будет верховным главнокомандующим, и три раза «наздар» в честь Швейка, уходящего за фронт помогать германской армии.

Все встали и закричали «наздар!» и «ура!», да так громко, что от сотрясения сорвался люстра и упала прямо на голову одному аляканику, который записывал речь для немецкой газеты...

Перевод с чешского
Т. АКСЕЛЬ

в «Историчный дворняга, как пёс» (по-чешски).

Александр ЯШИН

ВЕЛИКИЙ ЗАКОН

В окопах сидя, мы припоминали,
Какою светлой Родина была,
И как ни мёрзли, как ни тосковали,—
Глаза солдат не застигала мгла.

— За Сталина! — в бою кричали люди,—
За нашу честь, за русские поля!—
И видели, какою снова будет,
Как расцветёт, сломив врага, земля.

Пусть рвы в степях ещё не зарывались,
В грядущий день с надеждою гладим,
Чтоб города и сёла поднимались,
Мы сил своих в труде не пощадим.

Опять над миром песни зазвучали,
Неодолимо правды торжество.
Мы наш Закон в сраженье отстаивали
И ныне голосуем за него.

К. ЛИСОВСКИЙ

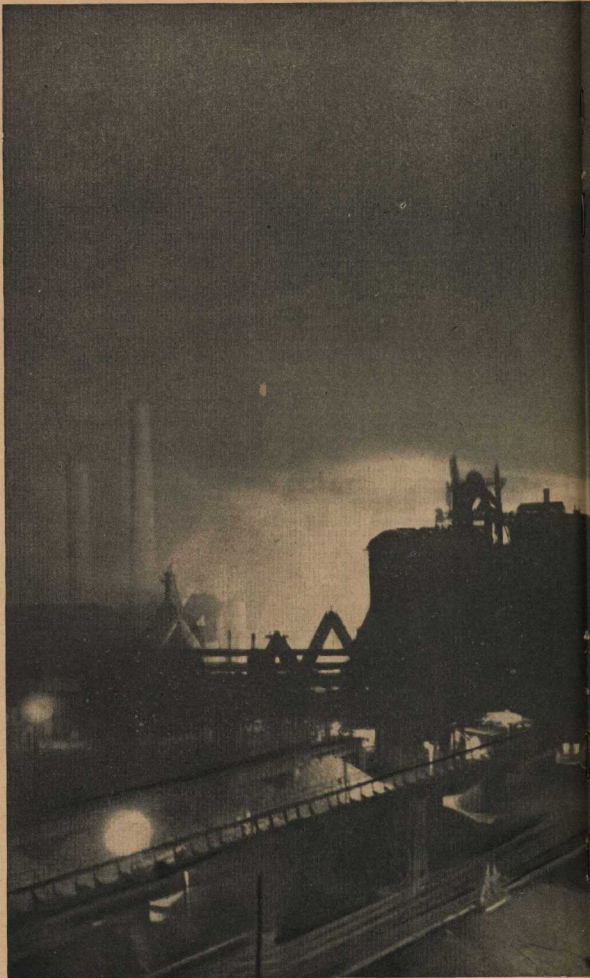
ЛЕГЕНДА

В турсуевских станках, что от холода стыннут,
До сих пор сохранилась легенда о том,
Как дружил Джугешвили с тунгусом Марти-
ном,
Как на ветке с Мартином он плывал вдообь.

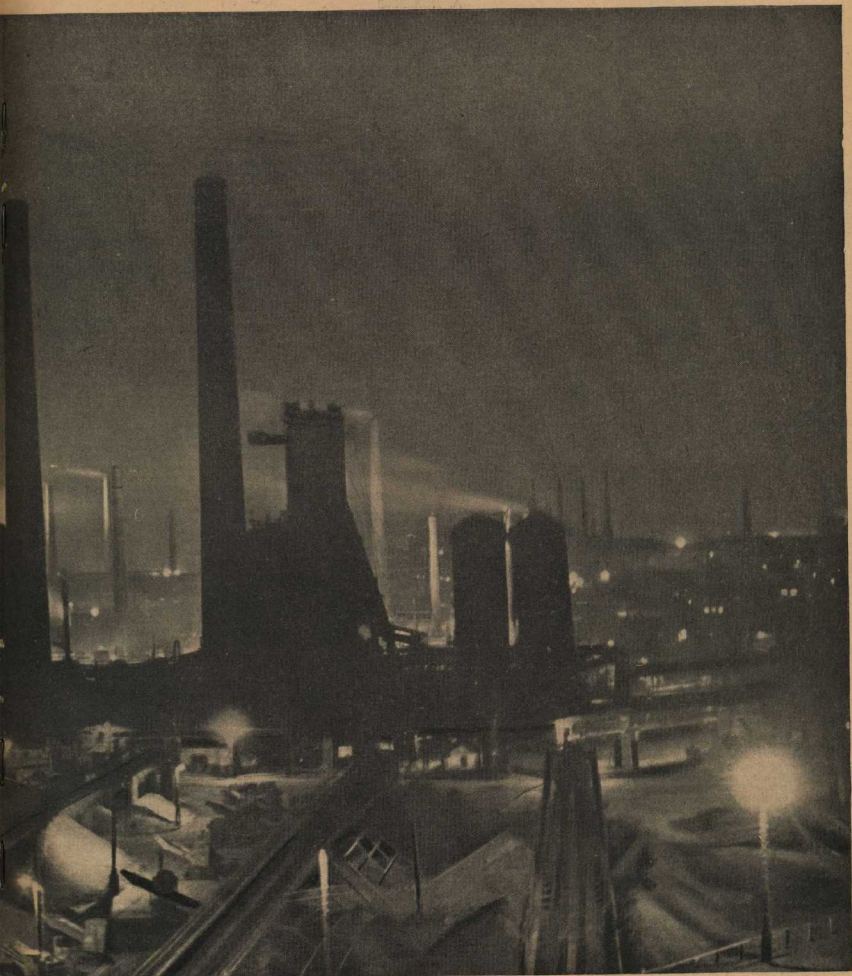
И высматривал вместе с Мартином пу-
щальню,
Ломоть хлеба с Мартином делил пополам...
Гуси-лебеди слали привет им прощальный,
И волна о друзьях говорила волнам.

И полярною ночью, в задымленном чуме,
У костра, головы не склонив от невагод,
Он поведал Мартину завывные думы:
Что рассветит ночь над тайгою угрюмой,
Что в тунгусские стойбища солнце придёт.

...Я, быть может, забуду скитания, разлуки,
Но останется в памяти прочно, навеки,
Бедный чум у речной говорливой излуки
И над жарким огнём согревающей руки,
Озарённый сияньем костра — Человек.

Днепродзержинск. Metallургический комбинат ночью.

Фотозюд А. Шайкел

Асскады о Мерникове

Рисунки Т. Маориной

Укол

Прошло почти пятнадцать лет с той поры, как талантливый и беспокойный студент Илья Мерников окончил естественное отделение Харьковского университета и целиком ушёл в научную деятельность. Он изучал эмбриологию иглокожих и кишечнополостных; в поисках морских звёзд и морских ежей, гаустрий и многощеточных гидромедуз и сифоноров Мерников путешествовал по южным морям Западной Европы. Он побывал в Мессине, Неполе, на Мадаге, на острове Галапагос, работал без отдыха, читал лекции, сделал ряд чрезвычайно важных открытий и чуть не ослеп от сильного напряжения. Но, после того как жена Мерникова Ольга Николаевна переболела в Неполе возвратным тифом, молодого учёного заинтересовал вопрос, не имеющий на первый взгляд прямого отношения к той области, в которой он работал. Почему он сам, ухаживая за женой день и ночь, всё-таки не заразился, а Ольга Николаевна, не соприкасавшись, видимо, с возвратнотифозным больным, чуть не погибла от этой коварной болезни? Как передаётся заражение возвратным тифом?

Мерников продолжал изучать иглокожих и кишечнополостных, но мысль о способах распространения возвратного тифа уже не покидала его.

Если подойти к этому вопросу путём исследования, возникло предположение, что передаётся возвратный тиф человеку через кровь. Предположение довольно основательное и серьёзное, однако его необходимо было проверить и доказать.

Необходимо до конца познать природу и сущность болезни возвратного тифа. Для этого надо подвергнуть риску человеческую жизнь. Но какой человек, если только он не самоубийца, даст провести на себе правильность такого предположения?

Постепенно новая идея настолько овладела учёным, что он потерял сон и покой, стал рассеян и сух. Нет, он не сможет вести никакой научной работы до тех пор, пока не проверит и не докажет правильности своей теории. Такую работу необходимо совершить сейчас.

Придя к нему, Илья Ильич стал резким и спокойнее к окружающим, много и усидчиво работал в лаборатории, заканчивая начатые раньше опыты.

Одним утром Мерников, уходя в лабораторию, был особенно нежен с женой. Поглядывая ей гадко приписанные носом, поцеловал в лоб и вышел на улицу. День был туманный, все предметы будто поблурнулись, далеко дома и море торжались в неясной, молочно-белой дали. Но

сегодня особенно прекрасный казался Мерникову город — и не только город, но всё зелёная, всёбелая, покрывал живыми существами земля.

Был в лаборатории, Илья Ильич привычным жестом надел халат, проверил по журналу какие-то записи, осмотрел препараты. Потом деловито подошёл к одному из шкафов, взял с толстой стальной полки пробирку с жидкостью и шприц. Ему очень неудобно было делать укол самому себе. Он засучил рукава, тщательно протёр кожу эфиром, натянул её и быстро ввёл шприц.

* * *

Завалившись через кровь больного, кто-то из сам впрямую себе, Мерников заболел тяжёлой формой возвратного тифа.

Болезнь протекала очень бурно и приняла угрожающие формы. У него появились расстройства сердечной деятельности, разлитые жвачки. Временами казалась, что нет надежды на выздоровление.

Но Илья Ильич всё же начал поправляться. В первый раз, когда он пришёл в себя, уже был вечер, яркое одесское солнце заходило и окно осветилось, красными, остывающими лучами. Ольга Николаевна опустила штору, подошла к кровати и, нахмурив тонкие брови, стала канять в стакан какое-то аскерство.

Мерников смотрел, не окликая её. Она поставила стакан на стол и лишь тогда увидела, что муж пришёл в себя. Ольга Николаевна опустилась на колени около кровати и поцеловала его высокий, крутой лоб.

Он провёл рукой по её волосам и тут же спросил:

— Это, конечно, был тиф? Ну вот, я сейчас теперь. Всё-таки мой предположение было правильно? возвратный тиф передаётся через кровь?

И после паузы добавил:

— А сейчас потому, что выкарабкался. Теперь можно жить и работать?

Торжество истины

Обычной своей тяжёлой походкой Илья Ильич вошёл в переложку. Как всегда, он был увешан кулечками и пакетиками. У него вошло в привычку, возвращаясь из лаборатории, заходить в лучшие кондитерские и гастрономические магазины Парижа. Одну за другой он передал покупки Ольге Николаевне, снял пальто и прошёл в кабинет.

Ольга Николаевна унесла покупки в

столовую, оттуда уже самился на стол женой и вином, там накрывала на стул.

Перед обедом Илья Ильич решил посмотреть свежие газеты и журналы. Привычным движением он быстро развернул и перелистал их. Одна статья привлекла его внимание. Забыл и об обеде и о домашних, он погрузился в чтение.

Статья была написана известным немецким учёным Берником, который вновь напала на Мерникова и его теорию фацидоза. Берник доказывал, что микробы не поражаются белыми кровяными шариками — фагоцитам — а обезвреживаются химическими свойствами жидкой части крови — сывороткой.

Прочитав статью, Илья Ильич взвнузался. Так случившиеся, что учёные Англии и Франции довольно скоро стали последователями теории фацидоза, открывшей новые пути борьбы с заразными началами в организме человека.

Но все немецкие учёные восстали против этой теории. Берник, Вагмарген, Эммерих, Циглер, Вейгер, наконец, сам Кох — все они в стане его противников. Мерников усмехнулся, подумав, что с самим первым лет сто научной деятельности у него плохо складывались взаимоотношения с предшественниками учёного мира Германии. Ему вспомнились случаи, когда, едва университетские экзамены, он поехал за границу, чтобы начать практическую работу. Мерникову стал покровительствовать немецкий биолог Айварк, и в это лабораторию Илья Ильич приступил к самостоятельной научной работе.

Летом, когда все студенты и многие профессора, в том числе и Айварк, разъехались на каникулы, Мерников продолжал упорно трудиться. Тогда-то он и сделал первое своё открытие, что крупнокольчатые черви в первом поколении — гермафродиты — ведут паразитический образ жизни, а в последующем — равномерно — существуют самостоятельно.

Этим важным открытием Мерников поделился с Айварком, который заинтересовал им и обещал опубликовать в научном журнале.

Айварк действительно тогда опубликовал открытие молодого русского учёного, но принесла это открытие себе.

Так что в давние времена относился радовал Мерникова с немцами.

Сейчас, видимо, этот разлад достиг высшей точки развития. Единным фронтom немцы выступили против теории своей же жизни — теории фацидоза. Однако статья Берника являлась наиболее серьёзным возражением, и ей надо было противопоставить наиболее убедительные доводы, основанные на практических доказательствах.

Вечером, когда закончилось чтение, — Илья Ильич и в Париже оставался верен родным традициям, — к Мечникову зашла в гости директор Пастеровского института, в котором работал Илья Ильич, Змиэль Ру, сугубо левый человек с отгороженной бороздкой и внимательным, серьезным взглядом. Мечников радостно поднялся ему навстречу.

— Вы так вовремя пришли, уважаемый коллега!

Иде не предложив Ру чаю, Мечников ухватил его в свой кабинет. Поладил очки, поднес книгу к близорукому глазу и стал быстро перелистывать страницы.

— Читайте! — он показал статью Беринга.

Ру са в кожаное кресло и погружался в чтение. Через некоторое время он поахнул кивком на стол.

— Тут приведены весьма серьезные возражения, — сказал Ру после некоторого молчания, — и нам надо будет много работать, чтобы доводы Беринга разбить.

— Самое парадоксальное то, — в раздумье произнес Мечников, — что Беринг прав. Да, плазма может убивать микробов, но мы должны доказать, что это происходит именно в тех случаях, когда в плазму проникают фагоциты, пожирающие бактерии. Теперь надо обдумать, каким путем это доказать.

Много бессонных ночей провел Мечников, обдумывая опыт, который должен был разбить утверждения Беринга. Он решил взять для этого опыта лягушку, которая обычно не подвержена заболеваниям сибирской язвы. Но теории Беринга, такое свойство лягушки связано с особенностями химического состава ее крови. По мнению Мечникова, фагоциты, находящиеся в крови лягушки, приспособлены для активной борьбы со спорами сибирской язвы.

Свою точку зрения Мечников мог доказать, заразив лягушку сибирской язвой, с тем чтобы изолировать бактерии от воз-

действия бляшек кровяных шариков. Но осуществить этот опыт технически было почти невозможно. Илья Ильич перебрал различные варианты и сам их отбрасывал. Как всегда, решение пришло неожиданно.

Однажды в лабораторию принесли лягушек в корзине, усталой свежим камышом. Мечникову пришлось в голову использовать сердцевинку камыша как естественный фильтр.

Под кожку лягушки Илья Ильич ввёл споры сибирской язвы, заключённые в мешочки из сердцевинки камыша. Споры бактерий, вполне доступные плазме лягушки, были задержаны от фагоцитов.

Прошло несколько дней ожидания; Мечников со свойственной ему страстью во всё мог думать, ни о чём другом, кроме своего опыта. Он почти не выходил из лаборатории. Оторвавшись от микроскопа, лягушкой поступью шагала он из угла в угол, стараясь не думать о том, чем закончится опыт, и думать только об этом.

Наконец, наступила день, когда опыт можно было считать вполне законченным. Бактерии сибирской язвы, выделенные от выживших фагоцитов, проросли и образовали колонии, несмотря на присутствие кровяной сыворотки лягушки. Счастливый Мечников поздравил к препарату Ру, который был приглашен заранее. Тот позвал Илью Ильичу руку.

— Я поздравляю вас! — сказал он. — Вы блестятельно опровергли немцев. Теперь на вас смотрят весь мир. В ваших руках люди, которые помогут борьбе с болезненными началами в организме человека.

Мечников стоя, опершись рукою о стол. Он молчал, потом тихо произнес:

— Да, и на этот раз я разбил своих противников. Но ведь я знаю: борьба продолжается. Будут новые попытки опровергнуть теорию фагоцитов, и я к этому готов. Сколько бы ни стоило мне это здоровья и сил, я до последнего своего дня буду бороться за торжество научной истины.

Мечников поднял свою массивную, уже седевшую голову, и взгляд его стал острым, пронзительным и молодым.

Вопросы СВЕТА

◆ За последние 10 лет изобретения советской учёной академик В. П. Филатов и его школа произвели более тысячи переосвоений растений, вернувших тысячам людей, считающихся уже безнадежно слепыми. Это происходит чисто оптической, основанной в данной области в остальном мире на 100 лет.

◆ Из всех сокровищ, вывезенных испанцами из Америки, самым ценным оказался картофель. Теперь лучшей селекционной проекцией картофеля стоит соразно больше, чем всё золото, доставляемое испанцами начиная с 1380 года, когда в Европе впервые появился картофель.

◆ В помешении, где есть сильное взрывчатое пары, не допускаются кошки; в некоторых случаях для взрыва достаточно искры, появляющейся на шнуре кошки от контакта трения. Иногда кошка всегда может стать источником статического электричества.

◆ Руководный отдел Господарственного музея Л. И. Толстого эршит около 30 тысяч писем, полученных великим писателем со всех концов света. Среди них есть письма И. С. Туржанева, А. П. Чехова, М. Горького, Эдисона, Б. Шоу, Толки.

◆ Мышце из коралловых островов в действительности состоят вовсе не из кораллов, а из особых растений, относящихся в морской воде большие количества известняков. Эти таких растений часто используют строителями «коралловых» островов. На третьем месте находится крошечные одноклеточные организмы, и только четвёртое место принадлежит настоящих кораллов.

◆ Животные в зоопарках живут дольше, чем на воле. Это объясняется правильным питанием и уходом, которых на свободе ни один обитатель зоопарка не имеет.

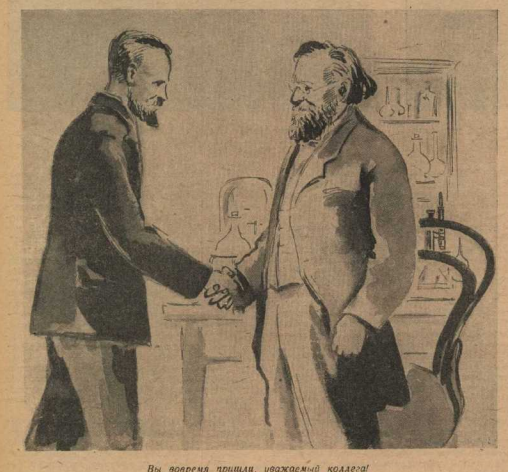
◆ Мертв Лычье больше всего употреблялась монархами. В 1101 году Генрих I хотел в качестве эталона ядра (91,44 см) утвердить длину своей руки. Позиционно делались так же повеления найти в природе естественную меру длины, но монетожно никуда и никогда. В качестве такого эталона предавали, например, размер псалмычтх сог.

◆ Первый научно-популярный журнал в России назывался «Приращения к Водоостаням». В «Приращениях» помещались научные статьи и заметки на самые разнообразные темы: о крестях памятника, обнаруженных во время земляных работ, об открытии асбеста, о полетении кометы. «Приращения» начали выходить в 1720 году, а уже в 1741 году были закрыты эта пользабность. Журнал пользовался огромным успехом, и вышедшие экземпляры продавались неоднократно, вплоть до 1751 года.

◆ Вет шариковых и ртутных подшарников во многих случаях более 80% энергии различных механических устройств расходовалось бы на трение. Если шариком и вращающей почти с арбу и такие крошечные, что 3 тысячи их помещаются в одном сантиметре.

◆ Золотое кольцо на земле — малоизвестное химического элемента — в 159 раз больше, чем серебра. Это являе не соответствует определению «редкий элемент», присвоенный залдо.

◆ В США изобретён компас для слепых. Он представляет собою шарик из магнетитов, внутри которого помещены два куска магнита, разделённые алюминийевым диском. На поверхности шарика имеется небольшой выступ, всегда обращённый к северу, когда шарик свободно висит на нити. Только 30 секунд нужно повернуть, чтобы из любого положения повернуть к северу и заставить в спокойном состоянии. Несколькими усилиями на развращённом шарике разладно можно постоянно ощущать, куда обращается выступ на поверхности шарика.

Вн вечера пришла, уважаемый коллега!

НАШ ОБЩИЙ ЗНАКОМЫЙ

Скульптура революционного матроса работы М. Мизера, установленная на станции метро «Площадь Революции».

Командир монитора «Красный Восток» А. Д. Никитенко.

В годы скитаний по фронтам дал каждому из военных людей растопило было изожадно встретить земляка или старого знакомого. Случай, происшедший со мной на реке Сунгари, настолько исключаем, что о нём следует рассказать особо. Речь идёт не о моём личном, а о нашем общем знакомом.

Произошло это на девятый день войны против Японии. С речной эскадрой краснознамённой Амурской флотилии я шёл вверх по Сунгари, в поход на Харбин. За восемь дней мы преодолели большую половину пути. Японцы не смогли даже заминировать реку, ибо и для них, в связи с распутицей, Сунгари стала единственной коммуникацией. На фарватерах японцы затопляли баржи, но мы обходили их: наветру нам пылао несметное количество бревен распущенных плотов, но и этого не снижало стремительности похода. И вот на рассвете девятого дня войны мы заняли крупный сунгарийский порт Сыньюн у устья реки Мушунцзин.

Сразу же адмирал Антонов с отрядом бронекатеров ушёл вверх. Вслед за ним потянулись тралящики, санитарные транспорты и штабной пароход. В Сыньюне остались только самые крупные кораб-

ли — мониторы — в ожидании приказа идти вверх или вниз. Ещё ночью командующий запросил по радио о времени начала «оборо» на поход речных броненосцев по реке. Тревожили известные всем плававшим по Сунгари саньсинские перекаты. Местные лодоманы уверяли, что «оборан» с такой осадкой, как у мониторов, через перекаты пройти не могут, тем более что японцы силой все шепки и баканы, определяющие проходы.

В обычные годы действительно о таком походе нельзя было и мечтать. Но август 1945 года на Дальнем Востоке отличался дожливостью. Полюдей воздуха широкие реки амурского бассейна. В иных местах Сунгари подступала к отрогам Малого Хингана. Нам это было ивруку, и мы стремились использовать большую воду и забраться поплыве в Маньчжурию. Правда, вода с каждым днём спала. Но амурцы хотели рискнуть и пройти на мониторах в Харбин.

И тоже остался в Сыньюне: ожидался гидросамолёт из Хабаровска, и у меня на руках было приказание командующего флотилией лётчику вылететь со мной в Харбин.

В ожидании самолёта я ушёл в город. На набережной, у транспаранта с расплывшим движением пассажирских пароходов, где рядом с иероглифами неважно выгадало русское слово «прибывает» — наладке Китайско-Восточной железной дороги, — расположились лавочные японцы. Они сидели на корточках правильном строем, поджав под себя ноги. Их охранял краснофлотец с автоматом на ремне. Из одностороннего здания речного вокзала ещё струился дымок. Над дверью в багажное отделение два краснофлотца с мониторов прибывали вывеску: «Помощник команданта города по морской части». Слово «морской» было старательно выведено над ранее значившимся и зачеркнутым «речной». На пристани ещё была беспорядок, сопутствующий вторжению. За месяцами они вылазили японцы, часа два назад вспорыши себе живот самурайскими мечом. Он стояла и, видимо, просила добить его.

Пока я ходил по городу, погода испортилась. Ветер вбурдоржил разливнувшую реку. Стена песка заткнула берег подобно привычному в эти дни дыму пожара. Мичурини отошли к противоположному берегу. Мне стало ясно, что самолёт не при-

летит и теперь единственная надежда на монитора. Если они пойдут в Харбин, попуту туда и я.

— Справедливо к помощнику команданта по морской части с просьбой вызвать с корабля шхунку. Через некоторое время к берегу приставла одна из вымпеловых влодей на камнях. Это командир монитора «Красный Восток», и я отправился на корабль. До тех пор «Красный Восток» я видел лишь издалека. Он первым вошёл в Сунагари и открыл огонь по японским пароходам. До тех пор «Красный Восток» я видел лишь издалека. Он первым вошёл в Сунагари и открыл огонь по японским пароходам. До тех пор «Красный Восток» я видел лишь издалека. Он первым вошёл в Сунагари и открыл огонь по японским пароходам.

— Поднявшись на монитор, я увидел пачингового капитан-лейтенанта в зингерском морском кителе. Вокруг него висели золотыми нашивками — это означало, что офицер их носит уже давно. Его смуглое, грубоватое лицо показало мне удивительно знакомое. И, проглотив команду, указав корабль руку, я уверенно сказал: — Мы с вами знакомы, капитан-лейтенант.

— Вы знакомы? Что-то не припомню. Вы лейтенант?

— Нет, москвич. Но, может быть, мы встречались на других фронтах?

— Не может быть, — с досадой заметил офицер, и я почувствовала, что зина бо́льшую струю выжидательно пребывание в годы Отечественной войны в алашк, хотя и не очень спокойной мы так тяжело переживали на Дальнем Востоке. Я уже загоревший взгляд, — промолвил офицер, — после училища ничего, кроме тайги и сопки, не видел...

— А всё-таки мы с вами где-то встречались...

Я внимательно всматривалась в его лицо. И эти резкие, словно вычерченные карандашом толстые губы, и суровый, пронизывающий взгляд, и все его изыскательская, смуглая внешность — морщины, фигура поразительно напоминали мне кого-то. И подумала, что именно такими обычно изображают моряков в кинофильмах.

Мы стали пересчитывать даты событий нашей жизни и наконец установили, где могли скреститься наши пути. Нашим десяткам общих знакомых. Я узнала многие подробности об Алексее Диомидовиче Никитенко. Он воспитанник Ленинградского военно-морского училища имени Фрунзе. Ему 33 года. Уже десять лет он на Дальнем Востоке, дослужаясь до командира такого крупного корабля, как монитор. До войны увлекался спортом, плаванием, гонками, участвовал в соревнованиях, брал призы. Вскоре мне показалось, что мы не только знакомы, но и близки друг другу, хотя установить место встречи так и не удалось.

— Не встречались, так встречались! Будем хорошими знакомыми теперь, мы ведь, с украинским выговором заговича ка,

питая-лейтенант и пригласил меня в каюту.

— Будет разговор о нашем знакомстве мы перешли к другой, волновавшей нас обоим теме: пойдём или нет в Харбин?

— Десять лет я тут корабля в Азии дал тот, чтобы в районском на нашем знакомстве мы перешли к другой, волновавшей нас обоим теме: пойдём или нет в Харбин? — Десять лет я тут корабля в Азии дал тот, чтобы в районском на нашем знакомстве мы перешли к другой, волновавшей нас обоим теме: пойдём или нет в Харбин?

Я узнаю о том же. Десять сумасшедших дней, покат из Москвы на 1000 километров, бросившись в воду, на зорьку и в этом чортовом Саньцзине! — С горечью говорил капитан Никитенко. — Надежды не дадут «добро»? Проти можно, сейчас вода большая. Надо только идти с приливом.

Мы шли вверх днём и ночью. Лопман отказался нам помогать. Он привик к ветхому и огнём и болел взять на себя ответственность за новый поход корабля. На носу нас кругосветную вахту краснотельцы с шестами. То и дело они брали гаубицу и докладывали на мостик. В Харбин монитора прибыла поздно вечером и остановилась у причала под мостами к центру города. До конца суток оставалось несколько минут, когда эс табанного корабля, стоявшего у набережной в Харбине, замая прожектор и все мы хором прочитали поздравление командующего. Путь от Саньцзина до Харбина монитора проделали быстрее, чем перелетной от Бродячих диванчиков только двое.

Когда монитор бросил якорь, Никитенко прошёл в каюту, вынул из письменного стола толстую книгу с записями и удовлетворенно сказал: — Пришли быстрее, чем натепа, кто их ход — но чета являому. Так и запишем! Среди страниц раскрытого журнала мелькнула фотография. Я полблизосторожно.

— Покажите, Алексей Диомидович.

— Ах, это! — Никитенко протянул мне фотографию, страницу из журнала «Архитектура СССР». — Воспоминания далекой юности.

На снимке было изображение скульптурной фигуры моряка, описанного пулемётными лентами. Это была широко известная москвичанка статуя, установленная на станции метрополитена «Площадь Революции». Лицо изображаемого скульптором, поразительно походило на лицо Никитенко.

— Да ведь это вы!

— Да и не я, — рассмеялся Никитенко, — а разве поуж?

— Ещё бы теперь понимаю, почему вы так любите фигуру в своей ассилиантинке училища комсомола Алексея Никитенко, внешность которого вполне отвечала сложившемуся у меня образу революционного матроса. Правда, в то время я ещё и подгадывал, собственные воспитанники этого училища, шли несколько вразрез с воображаемым образом, да и костюм был иным. Но это не важно, главное — для нашей совместной работы.

А акуратность, с которой то. Никитенко посещал мастерскую для позирования, и его заинтересованность очень содействовали её успеху.

В Москве я живу рядом с площадью Революции. Но что общего между вами и этим городом гражданской войны? Вы же так молоды!

— А в герои гражданской войны я попал так: ате довести назад в Военно-морском училище имени Фрунзе, обратился скульптор Манизер с просьбой подобрать ему натурщика для работы над фигурой матроса гражданской войны по заказу Московского монументально-художественного училища. Ему провели деле в вестибюле училища и самому выбрать подходящий курчана. Он меня и выбрал. Я и знать не знал. Вызвал и пригласил отправиться в метрополитенскую Коичина училище и так и не был в Москве.

— И надоуго? — На полдню. Каждый день часа по четыре, опоясывая лубяными асетями с картинкой в руке стопа так, как на этой картинке. Жаль, что не видел скульптуру в метрополитенской Коичина училище и так и не был в Москве.

Вот вам и оригинальная тема: курчана-статуя. Вы помните капитана командиром корабля! — почувств я. — Но кто знает, может быть, вам снова придётся стать натурщиком, Алексей Диомидович? А вдруг тот же Манизер или другой художник вздумает лепить вас, как подлинного героя современности?

— Спасибо на добром слове. Может быть, ступи и термом, когда досужу до адмираловского чина.

На другое утро мы расстались. Из Харбина я уехал на Тихий океан, в Корей, в Порт-Артур, во Владивосток. Месяца через три мне довелось снова встретиться с Алексеем Диомидовичем Никитенко. Это раз в Хабаровске. Он сумел провести свой корабль вниз по Сунагари так же искусно, как и вверх на Харбин. На кителе была морская ленточка броневого. Козырек фуражки сверкал лубяными асетями, и на руках вместо вышитых ленточек капитан-лейтенанта блеснуло золото нашивки капитана 3-го ранга.

— С двумя просветами вас, и с новыми орденами! — поздравил я Алексея Диомидовича. — Я вижу, вы уже на пути к адмиральскому аврану?

— Стремлюсь, но су-современок: вперёд и вверх. Да и нам надо уготить: всё же адмирал — бывший натурщик — оригинальнее по теме, чем бывший натурщик — командир речного корабля!

В таком случае, жюлю вам поскорее стать адмиралом...

И теперь, когда я прихожу на станцию Московского метрополитена «Площадь Революции» и смотрю на устремлённую вперёд фигуру русского матроса, я вспоминаю широкую лётную реку в Маньчжурии, дым подвальной войны, грозный бронеосред в лезном походе и его салютно-командный жест обречённого матроса и друга капитана 3-го ранга Алексея Диомидовича Никитенко.

ОБРАЗ И НАТУРА

Беседа со скульптором М. Г. Манизером

художств, где я работал. Там я нашёл то, что искал. Дать фигуру я решил ассилиантинке училища комсомола Алексея Никитенко, внешность которого вполне отвечала сложившемуся у меня образу революционного матроса. Правда, в то время я ещё и подгадывал, собственные воспитанники этого училища, шли несколько вразрез с воображаемым образом, да и костюм был иным. Но это не важно, главное — для нашей совместной работы. А акуратность, с которой то. Никитенко посещал мастерскую для позирования, и его заинтересованность очень содействовали её успеху.

Краткие беседы с будущим моряком в первую очередь работами дали мне возможность ближе познакомиться с Алексеем Никитенко. Важнейшим образом, отличник учёбы, был моряком по призванию — он твердо намечал свой жизненный путь и следовало ему решив неуколебно. В нём существовало сильное стремление к войне. Когда я смотрел на него, мне в голову невольно приходила мысль о могуществе советского государства, воспитывающего героев и полководцев, о могуществе наших отцов своих предшественников — революционных матросов — твердую волю к победе.

И мне очень приятно было сейчас узнать о встрече с героем-дальневосточником, командиром крупного военного корабля, капитаном третьего ранга Алексеем Диомидовичем Никитенко. Манизер и Вудный узнал много революционного матроса...

Туркменка.

Фотолюб А. Шайхета.

Сказки старой Бухары

ВЕЛИКАЯ СИЛА

Рисунки В. Щегола

Давным-давно жила в Средней Азии один бай. Звали его Юсуп-бай. Был он молодой, богат и могуществен. Все спод молодое гола Юсуп-бай потратил на умножение своих богатств. Когда он стал богат, что богаче и быть нельзя, заскучал Юсуп-бай. И решил Юсуп-бай поехать путешествовать, посмотреть, что в мире есть, как люди живут, как веселятся.

Собрал Юсуп-бай полный хурдум золота и драгоценных камней, выбрал в своей конюшне самого быстрого и гладкого коня, попрощался с женой и матерью и уехал в неведомый край. Ехал он степью и пустыней: устал с непривычки в дороге. Приехал Юсуп-бай в оазис и решил отдохнуть. Вручил конюху коня, а сам вошёл в чайхану.

Не успел Юсуп-бай отдохнуть и напиться чаю, как послышался в чайхане страшный шум.

Все, кто сидел в чайхане, выбежали на улицу, и Юсуп-бай выбежал за ними. Странную картину увидел он, и сильный грохот оглушил его. Навстречу людям беспорядочно бежали из пустыни животные. Промаячив огненным степи песка, пожирая всё на своём пути, гнался за ними.

И услышав Юсуп-бай произносимое с ужасом слово: «Азрам!» И увидел Юсуп-бай кожанные шкура людей. А старей-престарый ата крикнул в самое ухо Юсуп-баю: «Это Азрам голодный пришёл за нашими душами! Каждый высосанный год он высасывает свой желудок, пожирая и людей и скот, и нет никому от него пощады!»

Все ближе и ближе к оазису подползла огненный столб и настал, наконец, чайхану.

Не захотелось Юсуп-баю расставаться с

жизнью, которую он только собирался позвасил он перед Азрамом неземь и взмолился, протянул к нему руки: «Пощади! Пощади! Любую цену уплачу тебе, Азрам! Все богатства отдам тебе, Азрам! Только оставь мне жизнь!»

— Хоп! — ответил Азрам. — Ты так хочешь жить, что я уступаю твоим мольбам. Соглашайся на моё условие, Юсуп-бай!

Юсуп-бай готов был на всё ради сохранения своей жизни.

Тогда Азрам сказал:

— Если я пошажу тебя, твой род лажжен исчезнет. Во время твоего отсутствия у тебя родился сын. И ты не должен никогда женить своего сына. Если же ты всё-таки нарушишь условие, я приду в день его свадьбы и взамен твоей жизни возьму жизнь твоего сына!

Юсуп-баю это условие показалось таким лёгким, что он сразу на него согласился.

Прошло много лет. Юсуп-бай давно вернулся на родину. Часто рассказывая о своём друге, о чудесах, которые видел во время путешествия. Только о встрече с Азрамом никогда не рассказывал Юсуп-бай. Помнил ли он условие Азрама или забыл его, — нам неизвестно, но когда подрос его сын, красивый Максун, Юсуп-бай задался женить его.

В соседнем кишлаке жила Гвальджама, дочь самого богатого в округе бай. Хороша была Гвальджама. Стан её была строга, как тополя; глаза её были томны, как чёрный виноград; губы её были алы, как лепестки тюльпанов; кожа её была нежна, как цветущий миндаль. Хороша была Гвальджама!

Провсат бай за ней своего сына. И устроил Юсуп-бай той!

Тринадцать дней и тринадцать ночей шёл свадьба.

Наступил тринадцатый день той. В ту самую минуту, когда мулла собирался сказать последние слова вечнойной молитвы, когда затихли музыка и танцы и слышно стало только соловья, в ту самую минуту раздался громкий, страшный стук. Думая, что стучится западный гость, сауги побежали открывать каалитку. Но тот, кто стоял за каалиткой, закутанный во всё чёрное, потребовал к себе самого Юсуп-бая.

Задрожал бай, услышав грозный голос Азрама. Азрам тем временем во двор вошёл, сбросил с себя чёрное одеяние, и взором померзших от ужаса людей предстал полунагим, полуоткрытым с комьями вместо ног, с громадными кривыми вместо рук, с каковым коршуна вместо лица.

— Ты забыл наш договор, Юсуп-бай! — крикнул Азрам так громко, что голос его был услышан гостями. — Но я помню его! Где твой сын? Я пришла взять его душу! В страшном переполохе прискакали, забыв все законы, смелые женщины на мужскую похищину. В горе наши сии к ногам Азрама. Мужчины протянули к нему руки. — Вольно вознёси к небу.

Во второй раз внял Азрам человеческим мольбам.

— Хоп! — сказал он. — Я согласен взять душу кого-нибудь из близких или родных Максун!

Первым вызвался отец. — Из-за меня не должен погибнуть мой сын! — сказал Юсуп-бай. — Верь моему духу, Азрам!

Приблизился Юсуп-бай к Азраму. Принял его Азрам в страшные кривые объятия, сказал сильно и дважды какнул в сердце.

Не выдержал Юсуп-бай, взмолился. А второй откликнулся, бабка Максун.

1 Хурдум — двойной мешок.

2 Ата — отец.

3 Хоп! — хорошо.

4 Той! — свадьба.

Они и её Азраиа, скака крыльями и один раз кляуна в сердце.

Не выдержала старуха, взмолилась. Родителям невесты пошла Гральджамма, чтобы и она пошла к Азраиау — неудобно ей стоять в стороне. Может быть, Азраиа сжалится при виде её красоты... Неожиданно подошла Гральджамма к Азраиау. Но не успела она даже кинуть Гральджамма, как она звонами, забилась и взмолилась о покое.

Больше никто не откликнулся на зов Азраиа.

Басный и дрожащий стола молодой жених перед Азраиаом. Не хотелось ему умирать, но по горю родню голову и ни слова не вымолвил, приблизился к Азраиау.

Захотела Азраиа странным смехом, заблестела кровожадные его глаза. И не успела он даже поднять свои крылья, как, откуда ни возьмись, появилась девушка и с воплем: «Подожди!» — кинулась к Азраиау. Длинные распушенные волосы

её спускались до земли, глаза опули от слёз, чёрной тряпкой поше старый чваня. Но и в равном сереньком платье была она так хороша, что ажухат кругом гости.

— Кто ты? — спросил Азраиа.

— И Зуафия, дочь бисного слуги. Я росла вместе с Максумом, и вместе со мной родил мой любовь. Детыми мы играли под старым дубом, потом нас разлучили навсегда. Есая ты умертишь Максуму, — я умру вместе с ним!

Оступла Азраиа крыльями девушку и кляуна в самое сердце. Дрогнула Зуафия, но не поприсала пошаму. Сжала Азраиа крылья сильнее и кляуна второй раз. Застонала Зуафия, но не поприсала пошаму. Тогда Азраиа, что было сил, прижала девушку и кляуна в третий раз. Вскрикнула Зуафия, но не поприсала пошаму.

В этот момент, попрыгало, закрывавшее лицо жемчжины.

ПЛАСТЫ МУДРОСТИ

Забавала ли кто-нибудь смертельной болязною в Омк-кишкае, — родные большого обращались к старому Сиратжидну, и он своими чудотворственными лекарством испововно отгонял смерть. Повалялся ли засуха в Омк-кишкае, и трава горела, поше желтыми хлопьями на полях, — жителям кишкаа обращались к Сиратжидну, и он ставила аркаши буйно нести свои воды, и вновь оживала засохшая, нутая земля. Шам и соседние племена на вой против народа Сиратжидну, — и война оборачивалась к Сиратжидну, и он давал им такие советы, что ни один враг не мог победить их.

Сава о мудром Сиратжидне прошла по всем мутульским землям. Из всех государств, в разных кишкаах, к Сиратжидну являлись люди в Омк-кишкак за советом. И Сиратжидну никому не отказывала в мудром слове.

Однажды, когда старей Сиратжидну, сидя в забронной медресе¹, занимался каким-то вычислениями, за дверью послышался голос и кто-то попросил разрешения войти. Когда Сиратжидну встал и дверь отворила, на пороге показало несколько сильных и здоровых мужчин с котомками за плечами. Они поклаивали мудрому и стали выкладывать перед ним принесённые им вещи:

— А самый старей их из них сказал:

— Мы пришли к тебе, о Сиратжидну, из разных кишкааков, каждый из нас — самый уважаемый и самый мудрей среди своего народа. Но наша мудрость — ничто по сравнению с твоими познаниями, как журчанье аркаа — ничто по сравнению с пенем сомаев. Рядом с нами разлесь ешь по всей стране!

Сиратжидну посмотрел на принесённые, и взглял его усталые глаза в одну точку. Долго молчал он. Он не слышал их просьбы и не видел подарков, которые они принесли. Он только молчал, и в это время широко разложил перед собой коврик, тот, что годича первый раз, заговорил снова:

— О, ох! Внешим нашим мольбам! Ты один из всех людей здесь величайший мудрец. Твоё кишкак похож на рай, в нём всё цветёт и созревает, а у нас гибнет сею, засуха опустошает поля, боюлет и умирает людь. Мы хотим, чтобы и наши кишкаа стали похожими на уголок рай, который стал твой кишкак, о мудрей ох!

Тогда Сиратжидну, обнувшись от задумчивости, поглядела двумя

руками свою белаю, как хаюпок, бороду и сказал:

— О, дети мои! Я понимаю ваше желание. Мне и самому хотелось бы, чтобы после моей смерти остались на земле люди, которые своей мудростью помогали бы народу. Но найдутся ли среди вас такие, кто решались бы делов самоотрочения знания за многие годы труда и лишения? Нет, слышите, как это было!

И Сиратжидну начал свой рассказ:

— Это было давно, очень давно, может быть, тогда, когда жил мой прадед, а может быть, ещё раньше. На земле поселялись Мудрость. Она бродила среди людей, и никто не знал, кто она и что надел с собой делать. Но нашёлся один — был он из парской семьи, — одарённый умом и логиканностью. Он овладел мудростью и став самым великим среди всех народов. Но желание его шло по злымтам кровью даркам. Он совершал набеги на соседние племена, покоря их, уводил в рабство и овладевал богатствами. Он умерщлял непокорных и посылал болести на своих врагов. Он засыпал несом целые кишкааки, которые ему не удавалось победить, и осушала земли бедняков, наполнил свои аркаши огромным количеством воли. Стонала и плакала народ под игом его мудрости. И тогда великая Мудрость, видя, что ею пользуются не на благо, а во зло людям, сказала споску этому: «Ты слишком легко овладева мною и поэтому ты не понимаешь моей цены и моего значения. Отныне познает меня только тот, кто прилагает много труда и терпения, кто оценит и пой-

И тут случилось чудо. Появился чёрные крылья Азраиа, опустившись его мохнатая голова. Задыхаясь, сказала поверженней Азраиа:

— Никто в мире не оставался жив после моего третьего удара. Великая сила таяится в твоём сердце, девушка! Она аншла моим мой крылья и жалости мой каюл! Великая сила таяится в душе твоей, девушка! Она победила мою эласть и со мной могу невинность. Сила эта — любовь! Перед ней боюлава смерти.

С этими словами Азраиа исчез и никогда больше не появлялся в ток края.

А Макун, поняв, что счастье его не в богатстве и гордости Гральджамма, а в преданности и любви Зуафия, женился на ней, и провёл свою аду и в мире до глубокой старости.

И каждый год, в день, в час их венчания, в старей сад Асту-бай притягивает голоснейший соловей и поёт звонкую песню о любви, которая победила смерть.

мёт меня, — с этими словами Мудрость покинула царский дворец и ушла в горы. Прошло много лет, и десятков лет, и сотей лет. Многие люди нашего племени искали гору, в которой притаялась Мудрость, но никто не нашёл её. Не знала и я об этой горе.

В этот вечер я пошла ещё ребёнком. Меня зяла к себе один бай и посела в кушкаа². Но разгнебая своим, работа я от зари до зари и, не выдержав такой жизни, начала плакать.

Каждую ночь после изнурительного труда я шла на гору эласть и плакала горькими слезами. И однажды ко мне подошла старей Мор³. Она долго молча облизала волосы моей шеи и сказала:

— Вот уже несколько ночей, как я вижу твою гору, мальчик. Один раз, я по невожорожности, вынула твою шаль, почувствовала в них такую горечь, что мне захотелось помочь тебе. Скажи мне чего ты хочешь?

— О, мудрая Мор! — ответила я, — Верю тебе эласть и работу и аску от тебя, ибо и сирота и никого у меня из близких нету. Ты спрашиваешь: чего я хочу? Первое, что я хочу зяла, — это как сделать труд кулава⁴ лёгким, а жизнь свободной. Потом я хочу знать, какая сила есть в бае, что он один может пошнить себе столько хороших людей! Эласть и хочу... Но что толку переживать всё это, когда я знаю, что и моего счастья останется жемчжины! Потому что я всего только бедный кула и не смею без ведома бай даже сдвинуть с места!

Нет, мальчик, ответила Мор, — не боюсь, что покусуются знания. У тебя большое сердце и много жемчжины, и я решила помочь тебе. С зирпанн буду трудя в твой гору, которую и ты ступай я возле гору, которая находится всего на расстоянии четверти дня в отдалении отсюда. Когда сможешь вечером возвращаться в свои кушкаан и бай не заметит твоих отлучек в горы. Там, в горах, с древних времён жила Мудрость. Зная, что Азраиа — великая Мудрость, Зная, что Азраиа отдавала свои пласты, и под каждым пластом поколения Мудрости Сиратжидну, со смохноту Знание, а мы, змеи, из поколения в поколение сторожили их. Тебе придётся потратить бай, может быть, всю свою жизнь, но когда ты освободишь от пластов последний аргамент, ты станешь самым великим из людь.

¹ Медресе — духовная школа.

² Кушкаа — деревня.

³ Кулава — комыта работ.

⁴ Мор — змея.

⁵ Зирпанн — змея.

⁶ Санг — мера длины.

Недоверие.

Раздумье.

Скептицизм.

Гнев.

В. И. Качалов: «Просто гримасы...»

Фото Л. Аппатова

Эти снимки В. И. Качалова сделаны в конце 1945 года и служили Иессо-вскому радиокомитету. Фотографировал Василия Ивановича у микрофона некоего гора, где он ввечеру читал, и попросил его сыграть несколько мини-атюжных сценок по ранее составленной линии «сценария». Качалов согласился. Съемка продолжалась не минуты более минуты, да это время и успел сделать десять «заказов» Василию Ивановичу. И говорил:

— Гнев, Ужас, Презрение, Торжество, Раздумье...
Лицо великого актера моментально принимало соответствующее выраже-ние, и я искал заговором «Гнев».
Когда снимки были готовы, я показал их Василию Ивановичу. Он ото-брал один портрет, где сыграл барона из «На дне» и сказал:
— Вот здесь, брат, Остальное — просто гримасы...
Такая история этих «гримас» великого актера.

Л. Аппатов

Презрение.

Торжество.

Неодоумление.

Ужас.

На другое утро пошла и в горы и начал снимать первый пласт земли. Но так как я была слаб и голоден, мне удалось к вечеру собрать только несколько горсточек песка. В отчаянии я стоял над ничтожными плодами целого дня работы, как вдруг ко мне подошла черенка. Она принесла мне яича, и я, подорывавшись ими, стал работать гораздо быстрее. На следующий день рыба из горного озера выбросила мне свою икру, потом муравьи стали гонять мне зёрна, и даже коршуны бросали мне с неба свежего фазана. Так, поддержи-

ваемый птицами, рыбами, животными и насекомыми, я трудился безустали, сам не зная сколько лет. Как только мне уда-валось откопать пергамент, я прочитывала его, и он рассыпался прахом, чтобы кто-нибудь другой не прочёл его без всяко-го труда. А я тут же старался передавать полученные знания на пользу своему на-роду. Полвека прошло, пока я под гранит-ными и всякими другими слоями земли не нашла последнее Знание. Тогда я стал тем, что и есть, а жизнь моего народа превратилась в такую, какую вы видите.

А вам, дети мои, я посоветую: отпра-вляйтесь в разные стороны и ищите горы, в которых преисполнена Мудрость спрятала свои Знания. Посвятите жизнь свою великой цели, и тогда вы добьётесь того, чего хотите. Ибо Мудрость не даётся так же легко, как несня, а добывается труд-но и упорством, как самая большая дра-гоценность в мире.

(Сказки записаны со слов
Сараджан Юсупови)

В отечестве красноармейца, сражающегося с немцами захватчиками за свободу и независимость Страны Советов, вдали от которой он родился и вырос, страны, которой он никогда не видел.

«В январе 1945 года шли бои за Будапешт. Неподальку от венгерской столицы, в небольшом селе Шошукт, расположилась в полевой части, которой командовал генерал Максимович. Она готовилась к большому и решительному бою».

В те дни меня познакомили с Никитой. Был он, как все красноармейцы, одет в солдатскую шинель, широкую и неудобную шинельку на его непомерно высокой фигуре. Был при нём автомат — боевое оружие, но раз применённое им в сражениях с немцами. И ещё была у него пистолетная и нескладываемый интерес к той стране, за счастье и свободу которой он добровольно не стал бороться в рядах Красной Армии.

Один из предков Никиты более ста лет назад служил в русской армии артиллерийским офицером. Но был никитин прадед Лев Николаевич Толстой, украинский помещик, помещик в Крымскую кампанию 1854—1855 годов. Прадеду великого писателя Никита Толстой стал участником Отечественной войны в конце 1914 года.

Волею жатковладельца пошёл в малярской чете Никита Толстой рассказав мне о судьбе своей семьи, о себе, о своих мечтах и желаниях:

— У прадеда моего Льва Николаевича Толстого был сын Илья Львович. Этой же дед. Недалюко мы узнали о том, что он окончил в Америке. Отца моего тоже зовут Ильей, Вот я и есть единственный сын Ильи Ильича Толстого. Отец мой с давних времён поселился в Югославии. Там он женился, у него родился сын, уроженец Тамбона. В югославском городке Вршаце в 1923 году я увидел себя. Затем наша семья переехала в Белград. Отец работал в конторе, занимавшейся протом кинофильмов. Я учился в школе. Узнав русский язык, русскую литературу. В 1941 году окончил гимназию. Когда началась война и немцы вторглись в Югославию, отец оставил работу в кинопродюсерской конторе. Ему, как и Лева Николаевичу Льву Толстому, не по душе было работать в организации, ставшей одним из филиалов гитлеровской пропаганды. Хорошо, что отец знал сановное ремесло. Вель и Лева Николаевич на досуге любил спланировать. Я читал об этом, да и отец вспоминал про это занятие моего прадеда.

По окончании гимназии я намерелся поступить в университет. Но на свои знания, но что превратили гитлеровцы науку. Моги ли в русский юноша, пусть не бывавший в стране своих предков, но воспитанный в величайшей любви к ней, поступить в этот очаг мексиканской? Разумеется, нет. Мысль о высшем образовании пришлось на время отложить.

Семья наша жила в нужде: заработок отца был ничтожен. Решил заняться работой. В Белграде после многократных бомбардировок оказалось много разрушенных и повреждённых зданий. Я стал строительным рабочим. Не имея квалификации, мне приходилось делать всё, занимаясь чёрной работой.

В ту пору в Югославии усиливался и привлекало всё больше сторонников народно-освободительное движение. Стал искать путей к этой организации и я, связался с её деятелями и был свидетелем того, что они проявились ко мне доверием. Сербские молодёжь считала меня своим. Мне доверили потому, что я русский и потомок Льва Толстого. Вместе с сербами и переживав немецкое вторжение в их свободную страну и в мою Великую, неземную мне родину — Россию.

О России я знал очень много: о ней мне рассказывали родители, о ней мне рассказывали книги русских революционных и советских писателей. В Югославии по прихода немцев издали фильмы: «Цирк», «Полдень», «Песня о России» и «Лермонский парк в Москве». Для меня самыми приятными кадрами в этих картинах были те, где запечатлены московские уни-

Гайдар красноармеец Никита Толстой перед отъездом из армии в Москву. Снимок сделан в Вршаце Австрии, близ города Перк.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

История Никиты

ца, площади, метро. Особенно запомнил мне вид открывавшийся на Москву с крыши гостиницы «Москва». Сколько раз мечтал я о том, чтобы увидеть всё это не в экранные — на яву! Часто я мысленно видел себя в Москве, и мне хотелось быть на русской земле не гостем, а гражданином Страны Советов.

«Внимательно слушали мы рассказ молодого красноармейца, на груди которого красовался гитлеровский значок. Никита говорил о тех днях, когда под патиском Красной Армии банды Гитлера отступали из Югославии. Осенью 1944 года. Среди немцев война. Воспользовавшись этим, группа югославской молодёжи ушла из лагеря, переправившись через реку Тисса, около 30 витков. Никита входил в состав этой группы, создавшей вооружённый отряд и удерживавший переправу до подхода частей Красной Армии. Если бы немцы узнали, что им противостоял небольшой группа едва вооружённых сербов, положение смельчачков могло стать трагическим...»

Но всё завершилось благополучием: из югославского городка Петроград подошла часть генерала Максимова, и линия фронта быстро отодвинулась за Тесу. Когда отряд югославской молодёжи, сдерживавшей немцев, был представлен советскому генералу, тот

немало удивился, узнав, что среди сербов оказались русский, и тому же прадеду Льва Толстого.

«Велика была моя радость, — говорил Никита, — когда мне предложили стать переводчиком при дивизии. Сербский язык и знаю и общаюсь на нём свободно. И вот я оказался среди бойцов и командиров Красной Армии. Впервые в жизни я стал общаться с людьми из СССР. Вскоре со многими из них подружился. И каждый на мой вопрос, друзей открывать или нет, отвечал: «Конечно, давай!» И вот я оказался в новой детали, в звании был бы советской страны. Однажды я спросил командира, могу ли я, русский по национальности, но уроженец и подданный Югославии, добровольно вступить в ряды Красной Армии. И вот вскоре я стал полновластным воином советской армии. Всё остальное вы видите сами. Так что рассказывать о себе больше мне нечего...»

Теперь мы сами докажем, как далеко сложилась судьба Никиты. В первый раз мы встретили его в те дни, когда, будучи стрелком-автоматчиком, он плечом к плечу с русскими солдатами участвовал в боях с немцами в Будапеште. А когда столица Венгрии пала, часть, в которой служил Никита Толстой, была брошена на освобождение Австрии.

На фронтовых дорогах люди нередко встречались, расходились, терпели на пути друг друга. Окончилась война, первые дни мирной жизни складывались в недели и месяцы, прошло более полугода со дня, возмещенного о полной победе над фашистской Германией. Немцы прибывали бывшие фронтовики влюбившись в Москву, сбросившую с себя наводнение шторы и заблуждавшую совсем по-доверию. И вот в Москве в туманной ноябрьской дыме построился мой сводка Никита Толстой. Моего Венгрия и Австрию прошёл он с оружием в руках и с боями проложил себе путь на родину, о которой мечтал всю свою сознательную жизнь. На борту его пилотажи три медали: «За победу над Германией», «За взятие Вены» и «За победу над Германией».

«Помните, когда-то в Венгрии я говорил вам о своей мечте увидеть Москву? Теперь я московский житель. И во один из мой отец, ныне живущий в Москве, вместе с семьёй переехал в Москву, — Никита порадовал в боевом марше, извлек оттуда паспорт и гордо продемонстрировал его. — Видите, вот он, серьёзный, молодостный, советский паспорт! Я только учусь в Московском университете, на славянском отделении филологического факультета. И двоюродный брат мой Олег Толстой, сын дяди Владимира, тоже учится. Ему уже 18 лет. Он тоже впервые в Москве. Поступил в десятый класс одной из средних школ столицы. Олег, — пожалуй, единственный из московских школьников, служивший в Народно-освободительной армии маршалом Тито...»

В тот же день Никита познакомил меня с другим прадедом великого русского писателя, учеником 110-й школы Олегом Владимировичем Толстым, уроженцем города Тетово в Западной Славии. Ещё несколько месяцев назад этот юноша был ввозчиком одного из миллионов полков югославской армии, в которую вступил добровольно.

Сейчас Никита и Олег полностью жгутились в здании. В свободное время они совершают прогулку по Москве — великому городу, увидеть который было их заветной мечтой.

Никита и сейчас получает письма из дивизии. Там остались друзья, боевые соратники. С ними много тогда он жил и воевал. В один из недавно полученных писем другу прислал ему фотографии, сделанные за несколько минут до его отъезда в Москву.

Вот он, снимок, изображающий готового к отъезду на родину гвардии красноармейца Никиту Толстого. Он в полной боевой выкладке. Уже наготове чемодан с нехитрым солдатским имуществом.

Такова история прадеда Льва Толстого — Никиты. Он родился на чужей земле и на двадцать втором году жизни нашёл путь в Россию.

Рассказ

Рисунки И. Гринштейна

Мы все любим её — и я, и Сергей, и Димка. Сталось так, что мы увидели её все вместе. Она вышла с подружками из подъезда института. И все она влезла за руки и локти по самой середине улицы. Они шла, смеясь и что-то шептали, а шоферы объезжали их, боясь нарушить этот несбывший строй.

Она шла в центре. У неё были золотистые косы, собранные в тугой пучок. Она была так красива, что об этом можно писать отдельно.

Мы шли навстречу и несколько остановились.

— Братцы, — тихо сказала Димка, — как она хороша!

— Я никогда в жизни не видел таких девушек! — с восторгом сказала Сергей.

— Да. Ничего, — сказала я сдержанно. Я боялся открыться сразу, и кроме того сдержанность уже в те годы казалась мне лучшим украшением мужчины.

— Если я её не увижу снова, я умру. Это сказала Димка. Причём сказала он это без улыбки.

— Залочка состоит в том, чтобы увидеть её опять. И я её увижу! — сказала Сергей.

«Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей!» — хохотил поминкой портфель и старательно обрывала денешки ромашки. Первым её заметил Димка.

— Братцы, — сказала она, — мы погибли. Она гадает на ромашке — любит, но любит...

— Хотел бы я встретить этого счастливица, — мрачно сказала Сергей.

— Он вас не любит, — сухо сказала я, когда мы поровнялись с ней.

— Кто «он»? — рассеянно спросила она и улыбнулась.

— Я его не знаю, но завидую ему, — сказала Сергей.

— Характеру нашего товарища свойственна излияния прямого, — изысканно начала Димка, — но...

— Что? —

— Но мы не осуждаем его за это, — закончила я, спасая Димку, который к тому времени уже лишился дара речи и туго покраснел.

Она посмотрела на каждого из нас, и мы уже тогда показались, что Димка удостоился самого долгого взгляда.

— Вы ошибаетесь, — мягко сказала

она, — я гадала, сдам и завтра зачёт или не сдам.

— А что у вас завтра? — быстро спросил Димка, и в голосе его нам почувствовалась мелодия надежды.

— Органическая химия, — ответила она.

— Я дам вам свои конспекты, — сказала Димка.

И нам показалось, что она прочла в его глазах другое: «Я отдам за вас жизнь!»

— Если у вас подробные конспекты, я с удовольствием воспользуюсь ими, — сказала она Димке. — Будете проходить мимо студенческого городка, занесите.

— Куда? — спросил Димка.

— Второй корпус, второй этаж, комната пять.

— А как вас зовут? — спросил Димка.

— Елена, — ответила она.

— Хорошо, — сказала Димка, — до свиданья!

Она улыбнулась нам и ушла. Некоторое время мы шли молча.

— Так начинается счастье, — задумчиво сказала Димка.

— Не люблю я химию, — неожиданно отрезал Сергей.

— Нет, почему? Химия — интересная наука, — сказала я. — Правда, Димка?

Кладья из нас привнесла двести. Потом мы вместе пошли в театр. Потом мы сидели в Болшево и вместе читали на лодке. И тогда же, я помню, был этот случай, когда, набравшись за сорвавшимся веслом, я, как бы невзначай, поцеловал её руку. И Сергей это заметил. Он строго посмотрел на меня и сказал:

«Грех в лодке, не считая собак!»

Итак, мы любим её. Каждый по-своему, но все нежно и бескорыстно. И она отвечала нам взаимным и добрым чувством. Ей было весело с нами, мы это знали. И когда мы приходили к ней, каждый из нас становился самым веселым и самым хоршим.

А потом началась война. И я, и Сергей, и Димка — мы уезжали одновременно. Мы пришли к ней в последний раз. Это был дождливый и грустный вечер. И тогда же мы решили: если хотя бы один из нас будет в Москве, он непременно зайдёт к ней и проведёт с ней вечер, и стою будет накрыт для четырёх.

Во время войны мы встречались редко. Но однажды мы приехали в Москву вместе с Сергеем: мы были оба на Первом Бело-

русском. Мы пришли к ней, и стою был накрыт для четырёх. Мы вспомнили Димку добрым словом, и тут она прочла наш его письмо. Он писал, что его отзывают с фронта, что он будет работать на заводе в ста километрах от Москвы.

И я помню, мы вздохнули с Сергеем. Тогда она улыбнулась и сказала:

— Мальчики, всё останется по-старому. Но в её глазах мы уже видели Димку. У неё были такие глаза, что об этом можно писать отдельно.

Всё произошло в ноябре прошлого года. Мы с Сергеем приехали в Москву получать награды. Она дала телеграмму Димке, и он тоже приехал на праздник.

Это был первый вечер, когда мы снова были вместе. Она хотела пригласить другого, но мы наотрез отказались. Всё должно было быть так, как было.

Она надела самое лучшее платье и была прекрасна.

Мы рассказывали каждый о себе и расспрашивали Димку о его делах. И тогда она вдруг сказала:

— Друзья! Я приговорила для вас невиданный пирог. Он скоро будет готов.

И тогда я сказал:

— Леночка! У меня есть предложение... Она посмотрела на меня, и я замолчал.

— Какое предложение? — спросила она. Тогда я набрался храбрости и сказал примерно так:

— Леночка! И Сергей, и Димка, и я — мы очень любим вас.

— И я люблю и вас, и Сергея, и Димку, — сказала она просто, но мне показалось, что она боится обидеть кого-то двоих, но кого, я ещё не знал.

— Нет, нет, вы слушайте, — продолжал я. — Давайте сделаем так. Возьмите монетку и заприте её в ящик. А когда яирог будет совсем готов, один из нас разрежет его на три равных части. И мы возьмём каждый свою часть, и тот, кому достанется монетка, тот будет признан сегодня самым лучшим, самым главным и самым...

— И самым достойным, — сказала Сергей. Тогда Лена пожала плечами и сказала:

— Я не знаю... Это какого сорта. Это даже невозможно гадать. Вам не кажется?

— Нет, мне не кажется! — сказала я горячо.

— Это интересно, — поддержал меня Сергей.

— Это очень интересно, — сказала Димка.

Тогда Лена сказала:

— Хорошо.

Она вышла, и мы остались втроём. Я

не берешь объяснять, почему, но мы долго молчали.

— Она прекрасно выглядит, — сказала Сергей.

— Она всегда одинакова, — сказала Димка.

— Вот, так-то... — начала я и замолчала. Разговор не клеился. Сергей доста папирос. Димка сел за пишанию и начал что-то играть. Он явно волновался, но старался это скрыть.

— Перестань вертеть тарелку, — сказала Сергей, — у меня сообразы впечатлительно, ты ты нервицикаешь...

— Нет. Я совершенно спокоен, — сказала я. — Кстати, для того чтобы получить удовольствие от папиросы, нужно ее закурить. А пока ты напрасно затаптываешься; дыма не будет.

Сергей усмехнулся и спрятал папиросу. Мы смотрели на двери.

— Перестань играть, Димка! — сказала Сергей, вкладывая в эту фразу другой, понятный всем нам смысл. — Она идет.

В комнату вошла Лена. Она принесла небольшую пирог и поставила его в центре стола.

— Кто будет резать? — спросила она. Мы молчали и смотрели друг на друга.

— Знаете что, Леночка? Резайте сами! — сказала Сергей.

— Правильно. Это будет рука судьбы, — сказала я.

— А что думает Дима? — спросила Лена.

— Я присоединяюсь к предыдущим ораторам, — сказала Димка.

Тогда Лена взяла нож и медленно разрезала пирог на три равных части.

— А себе? — спросил Сергей.

— Ничего. Будет ещё пирог.

Мы смотрели друг на друга. Все болелись ждать. Тогда Сергей сказал:

— Ах, да. И начинаю.

Вслед за Сергеем начал Димка, а потом я.

Мы ели пирог медленно, с тревогой глядя друг на друга. В комнате было тихо, как в храме.

Лена, улыбаясь, смотрела поочередно на каждого из нас. А мы не торопились. Мы откусывали понемножку и жевали так осторожно, словно боялись взорваться.

— Товарищи! — сказал Сергей.

Мы вздрогнули.

— Товарищи, давайте сделаем перерыв, покурим. А то я боюсь — у меня не выдержит сердце.

— Нет, — сказала я, — никакого перерыва!.

И в этот момент встал Димка.

— Братцы! — сказал он. — Вот! — я, как фокусник, достаю из-за монетки достоинством в двадцать копеек.

— Судьба! — сказал Сергей.

— Я всегда говорил, что Димка счастливей, — сказала я. — Правда, Сережа?

— Конечно, правда, — сказал он и посмотрел на Димку.

— Возьми себя в руки! — весело отозвался Димка.

Он, улыбаясь, подошел к Леночке и торжественно опустился на одно колено, промолвив:

— Я пред тобой, твоей избраннице.

Тебе назначен я судьбой!

Мы досади с Сергеем пирог. Сергей отодвинул свою тарелку и значительно посмотрел на меня. Я ответила ему долгим взглядом.

— Свадебный пирог, — сказала Сергей, — да?

— Конечно! — сказала я и вздохнула.

Какой это был прекрасный вечер! Нам было очень хорошо. Мы никогда не видели Димку таким счастливым. А Леночка была особенно милой в этот вечер.

И когда мы все уходили, она сказала нам на прощанье:

— До новой встречи, мальчишки!

И новая встреча состоялась ровно через полгода. Мы почти не удивлялись димки-

ному письму, в котором он сообщил нам о том, что они с Леночкой поженились, но свадьбу ещё не праздновали. И он и Леночка ожидали нас на свадьбу. Мы послали им телеграммы и обещали непременно приехать.

В мае, после Дня Победы, мы с Сергеем приехали в Москву. Мы пришли на свадьбу. Мы не могли не прийти. Это была свадьба нашего друга.

Мы с восторгом поднимались по знакомой лестнице. Из-за двери слышались голоса и смех. Мы позвонили. Нам открыл Димка. Мы расцеловались и поздравляли его, а потом Леночку.

— Поздравляю вас, Леночка! — сказала каждый из нас и поцеловала её руку.

— Мальчишки! — лукаво сказала Лена. — Вы пришли на свадьбу. Почему вы без свадебных подарков?

Тогда Сергей сказал:

— Хорошо. Я человек бедный. На Димка, возьми! — и он доста из кармана монетку достоинством в двадцать копеек.

— И не хоту унизить товарища и давать больше, чем он, — сказала я. — На тебе тоже дружественный!

— В чём дело, братцы? — спросила Димка, хотя по глазам его мы поняли, что он начинает догадываться.

— Спасибо вам, мальчишки, — сказала Лена. — Дело в том, Димка, что я поожилла тогда в пирог три монеты.

— Свою монету и чуть не проглатила, — сказала Сергей.

— Я свои держала полчасика за щёки, — сообщила я.

— Братцы! — сказала Димка.

У него было такое лицо, что об этом можно писать отдельно.

В комнату вошла Лена.

Ускоритель и замедлитель
 Скоренький молодой человек Фотерингер аляскино обнаружил, что может исполнить любое своё пожелание. Его приятель Мейдинг предложил ему воспользоваться необыкновенным даром творить чудеса и остановить течение времени.

— Остановите вращение Земли. Помните? Тогда и время остановится? Этим ни кому-то не приходило в голову.

Но Мейдинг жестоко ошибся. Когда Земля перестала двигаться, всё на ней превратилось в груду обломков. Увидел только кто-то чудеса? Фотерингер, и то лишь потому, что спешнее успел обезопасить себя. Затем он осуществил два последних пожелания: вернул мир к прежнему состоянию и освободился от своего опасного дара творить чудеса.

Об этой необыкновенной попытке остановить время поведал нам Уэлдс в фантастическом рассказе «Человек, который жел творить чудеса». Герой другого рассказа «Повысивший ускоритель», профессор Гибберт изобрёл слабоду, которое одарило человека способностью в мгновение пережить час, то есть сойти и ускорять время. Затем Гибберт изобрёл замедлитель изобрести ещё и «замедлитель», который позволил бы растянуть секунды на несколько часов.

Но всё это — фантастика. А на самом деле, можно ли остановить, ускорить или замедлить время? Ведь паровоз, автомобиль, самолёт — сокращают пространство. Ещё большую власть над ним даёт телеграф, телефон, радио. А время? В каком смысле мы можем говорить о власти над временем?

Стробоскоп
 Совсем просят изобрести искусственный световой экран, пригодный к вольку. На одной стороне картона нарисована клетка, на другой — птичка. Когда волчок быстро вращается, птичка оказывается в клетке: два рисунка сдвигаются в один.

Такая игрушка — тауматрон — впервые появились 120 лет назад и восхвалялись только детьми, но и взрослым. Через 6 лет бельгийский физик Плато изобрёл более сложный прибор — стробоскоп. Здесь в один образ сдвигались уже не два, а несколько рисунков.

И стробоскоп устроен очень просто: два одинаковых по величине диска свободно вращаются на общей оси. В первом диске прорезаны узкие вертикальные щели, а во втором — отверстия каждой из щелей помещены рисунки последовательных движений циркаки, жонглирующей

шаром. Вот и всё. Если быстро вращать эти диски, то неподвижная фигура жонглера оказывается. В мелькающие перед глазами щели диска падает, как жонглер, передвигающийся, играт шаром.

Позже и стробоскоп был усовершенствован, но оставался только забавной игрушкой. Правда, 100 лет назад австрийский учёный Ухлимузе издумал использовать этот прибор для учебных занятий. Он приладил стробоскоп и «ловил» животных (прекрасно помню) фотоиз и демонстрировал на экране движущихся людей. Однако на экране люди давались рысками, толчками. И понятно, почему: художник, рисовавший картинки для стробоскопа, не мог точно изобразить все последовательные положения движущихся людей.

Здесь на помощь пришла фотография, которая была изобретена в 1838 году и быстро получила широкое применение в науке и технике. Если фотопластинка может запечатлеть не только человека или красивый пейзаж, но любое явление в определённый момент времени. В сущности именно фотографии да возможность «составлять время», то есть сохранить навсегда в неизменном виде изображение предмета или события, притом с такой точностью, какая недоступна ни одному художнику.

Но как запечатлеть процесс движения? Как-то было, просто: сделать несколько последовательных фотоснимков движущегося предмета, а затем поместить их в стробоскоп. Но — увы! — это было совсем не так просто.

Остроумный выход нашёл французский учёный Марри. Он вовсе не интересовался туманными картинками на экране, а тщательно исследовал полёт птиц. Когда изучил последовательное положение крыльев летящей птицы, Марри должен был сделать ряд непрерывных снимков. Вот для этого он и придумал фотоскоп.

Вместо магазинной коробки в этом «устройстве» помещался круглая фотолампочка, которая автоматически переключалась после каждого снимка. На такой пластинке можно было бы сделать один и тот же снимок 12 последовательных снимков. Однако их было недоста-

точно для того, чтобы запечатлеть многочисленные и сложные элементы полёта.

Тогда учёник Марри, Дементи, предложил заменить стеклянную пластинку бумажкой легкой, покрытой светочувствительным слоем. Ведь ленту можно вынуть достаточно быстро, чтобы сделать на ней сколько угодно снимков. Вскоре американская фабрика фотолампочек стала выпускать целую ленту, и Марри в 1883 году уже пользовался такой фотолампочкой для своих снимков. В том же году появилось новое изобретение Эдисона — кинетоскоп, который оригинально решил задачу «оживления фотографии».

Однажды утром в редакции американского научного журнала «Нришн Эдисон и поставил на стол редактору Бэча небольшой ящик с рукояткой. Бэч стал решать рукоятку, а тотчас же из ящика раздался голос самого Эдисона: «Здравствуйте! Как зам выстроили мой фотоскоп?»

Редактор широко раскрыл глаза от изумления. Через несколько минут в комитете толпились множество сотрудников журнала, с восторгом вынимали аппарат, который говорил человеческим голосом. Так в 1877 году появился на свет фотоскоп — предок нынешних телефонов.

Ни одно из прежних изобретений Эдисона не пользовалось такой популярностью. И немудрено: знаменитый изобретатель открыл возможность фотографировать звук, увековечивать живое слово, музыку, пение.

Подобно фотоснимкам, патентованная пластинка «останавливает» время, навсегда сохраняет неповторимые явления. Мало того: у патентованной пластинки есть даже ценное преимущество: на ней запечатлён не один момент, как на фотоснимке, а довольно длительный непрерывный процесс. Нельзя ли создать аппарат, который служил бы для глаза тем же, чем фотоскоп для уха, то есть показывал бы не отдельный момент, а процесс явления, связанного с существом? Это идея заканчивалась неудачами. Как раз в это время появились целлоидная фотолампочка, и поминки Эдисона Дементи предложили использовать для изображения движений движущегося предмета.

Эдисон одобрил этот проект и предложил немедленно приступить к работе, а сам уехал в Европу. Когда он вернулся, Дементис уже неохватными срывным успехом. Он торжественно продемонстрировал начальнику первую картину. На небольшом экране появился сам Дементис и, свив шлангу, произнёс: «Здравствуйте, мистер Эдисон! Надеюсь, вы довольны своим кинетоскопом?» Но Эдисон был довольно далеко не всем. Фотоснимки были недостаточно четкими, а звук не совпадал с движением. Но сама «ожившая фотография» была настолько интересна, что Эдисон решил отказаться от фотолампочки и усовершенствовать только аппарат, который запечатлел бы движение. Так появился кинетоскоп — впервые демонстрировался на Чикагской выставке 1893 года, а через несколько месяцев появился в Европе. Вместо того чтобы показывать «живую фотографию» на экране, Эдисон закрутил два движущихся диска в ящике. Это было ошибкой.

В ящике появилось около полутора метров через два увеличительных стекла (окуляр) зритель мог наблюдать составившие фотоснимки, выступления акробатов, танцовщиц и другие короткие сценки. Работал аппарат автоматически. Нужно было только опустить монету в отверстие. Она вращала диски в течение 30 секунд, и каждый сеанс продолжался всего 30 секунд.

Кинетоскопы появились на вокзалах, в вестибюлях театров, открывшись даже сельским детям кинетоскопов, которые пользовались большим успехом и приносили солидный доход хозяевам. Но недолго благоденствовал кинетоскоп...

Талантливым исследователем фотоснимков Луи Льюьер часто привозил из Льева, где находился его фабрика фотолампочек, в Париж. И в свободное время он любил посещать балаганы, ярмарки и другие народные зрелища, которыми

так сдавалась столица. В 1934 году особенно выразительна Люмьер привнесла небольшая палатка с рекламой «Кинетоскоп Эдисона. Здесь показывают движущиеся фотографии».

Люмьер уже давно проводил опыты «оживления фотографий» и теперь, словно зачарованный, стоял у кинетоскопа. Отпуска монету за монетой, он в который раз пристально рассматривал причудливые пируеты танцовщицы. Услужливый хозяин, желая угощать увеличившему посетителю, но его просьбе прислал крышку кинетоскопа.

Люмьер легко вообразил в несложном устройстве аппарата. Внутри щели непрерывно двигался позитивная фотография. Но в каждом из 750 кадров ленты были сфотографированы последовательные положения танцующей балерины. Между лентой и окуляром вращался обьектив — черный диск с узкой щелью. Когда щель проходила перед глазами зрителя, кадр казался неподвижным. А когда обьектив закрывал поле зрения, этот кадр сменялся следующим.

Кинетоскоп был для одного зрителя. Люмьер задумал создать массовое зрелище. Вместе с братом Огюстом он правильно решил transportовать зрелю показ «живых фотографий». Съемки, значительные на ленте, они стали проектировать на экран. С помощью же специального приспособления им удалось сочетать неподвижность кадра в момент просмотра и быстроту смены их. Таким образом создавалась иллюзия непрерывного движения.

Братья Люмьер запатентовали свое изобретение вскоре открыли первый в мире кинематограф. Этот день — 28 декабря 1885 года — и считается днем рождения кино.

Каждый сеанс длился только 20 минут, но за это время зрители успевали просмотреть добрый десяток фильмов, как например: «Выход рабочих на фабрику», «Завтрак ребѣнка», «Приход поезда». При виде мчащегося по экрану паровоза многие зрители испуганно вскакивали с мест и успокаивались лишь после того, как поезд останавливался. Иллюзия была полной и ошеломляла неожиданностью.

Кино быстро распространилось по всему свету и непрерывно совершенствовалось. Еще совсем недавно неюй экран заговорил и зашел, серые тени расцветали живыми красками, а незатодго до начала Отечественной войны в Москве уже демонстрировался первый стереоскопический фильм. Кино стало любимым и доступным искусством, но еще сравнительно мало известна великая ценность его как средства научных исследований.

«Власть над временем»

Вы на стадионе в самый напряженный момент футбольного состязания. Мяч у ворот, нападающие и защитники так тесно сдвинулись в один клубок, что трудно различить отдельных участников игры. Даже за мячом едва уследишь в эти доли секунды, когда спортивный азарт достигает высшего накала.

А на экране это напряженное мгновение выглядит совсем по-иному. Небольшие зары смека вызывают у зрителей лишнюю шагающую футболисты, которые так осторожно и бережно припадают к мячу, словно он садился на стекло. И мяч движется с непреодолимой медлительностью. Мгновение растянулось на десятки секунд. Кино замедлило время.

Или вот из брошенного в землю зѣрнышка появляется проросток, затем нежный стебелѣк, который на ваших глазах вытягивается кверху, покрывается листьями и расцветает. В природе это явление продолжается месяц — два, а на экране — только одну минуту. Длин сократился до секунды. Кино ускорило время.

Каким образом? Обычно киноаппарат снимает до 24 кадров в секунду, и с такой же скоростью эти снимки проектируются на экран.

Но если делать не 24, а 240 снимков в секунду и проектировать их с обычной скоростью, что получится? Движения, которые совершались в течение одной секунды, вы будете наблюдать уже десять секунд, то есть время замедлится. Напротив, если уменьшить число снимков в секунду, скорость движения на экране увеличится.

Теперь нетрудно понять, как снимают рост плетей. Специальный киноаппарат через определенные промежутки времени, например час, автоматически производит съѣмку только одного кадра. За сутки аппарат снимает 24 кадра, а на экране они проходят за секунду. Вот как целые сутки сокращаются до секунды, а два месяца — до минуты!

Кино позволяет изучать мельчайшие детали таких движений, которые неуловимы для глаза, потому что совершаются слишком быстро или чрезвычайно медленно, как например полѣт пчелы.

Кино даёт своеобразную «власть над временем». Конечно, мы не можем ускорить или замедлить течение времени, но ведь в практической жизни для нас важно не время само по себе, а продолжительность отдельных событий. Мы говорим, что телеграф или самолѣт сокращает пространство, в действительности они сокращают же пространство, а время, необходимое для путешествия или передачи сообщений на дальнее расстояние. В сущности, любая машина — ускоритель времени, так как выполняет определенную работу в сотни и тысячи раз быстрее, чем при ручном труде. А кино даёт нам единственную возможность изменить масштаб времени, подобно тому как географические карты изменяют масштаб пространства.

На небольшом листе бумаги умещается план Мирового, карта Советского Союза или даже всего мира. Кино позволяет час, день или месяц «взять» в одну минуту и может являться, движущаяся по экрану, долей секунды, «растянуть» в сотни и тысячи раз.

Сочетание киноаппарата с микроскопом и рентгеном позволило изучать такие детали, которые раньше ускользали от внимания при лабораторных наблюдениях. Необыкновенно велики возможности киноаппарата, и дальнейшее их использование, несомненно, откроет новые перспективы для научных и технических исследований.

В цирке

Фотолюб А. Шайхета.

МЫСЛИ И СЕРГОРИЗЫ

О ТРУДЕ

«Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое...» — в этом один из великих заветов Ильича.

И. В. СТАЛИН. Письмо, помещенное в «Рабочей газете» в первую годовщину смерти Ленина.

«Для того, чтобы научиться хорошо работать, надо искренно увлечься работой, — без увлечения работать не научишься».

М. И. КАЛИНИН. Речь на VII съезде ВЛКСМ.

«Я знаю, что такое труд: это источник всех радостей, всего лучшего в мире».

М. ГОРЬКИЙ. Выступление перед рабочими Балханах в 1928 году.

«Труд — наша молитва».

А. И. ГЕРЦЕН «Было и думал».

«Единое счастье — работа, В воле, за станком, за столом, — Работа до жаркого пота, Работа без лишнего света, — Часы за упорным трудом...»

По миру, с гудящих станков Поток животворный полётея; Печальная мысль отозвётся Во глубь бесчелюстных уютов, Работай! Неизроум, чудесно Работай, как осел, прорастёт, Что станет с людьми, — безвестно, Но благодать, влагая небесной, Труд всевал полёт на карачки».

В. Я. БРЮСОВ «Работа».

«Труд составляет самую крепкую и надёжную связь между тем человеком, который трудится, и тем обществом, на пользу которого направляет этот труд».

Д. И. ПИСАРЕВ «Школа и жизнь».

«Бог и люди по праву на тех негодуяют, кто правдою жизни променяет, подобно безальному труною, который, сам не трудясь, работой питается ища хлопотливости».

ГЕСИОД «Работы и дни».

«Нет в жизни праздника току, Кто не трудится в буднях.»

Н. А. НЕКРАСОВ «Песня о труде».

«Недостаточно не уклоняться от труда, — ниш его».

СЕНЕКА «Письма к Луцилию».

«Умеленный труд — еда не самая тяжёлая труда для человека. Мыслить — легко и приятно, но думать — трудно».

К. Д. УТИНСКИЙ «Труд в его этическом и воспитательном значении».

«Без горючего и постоянного труда не бывает художников».

И. С. ТУРГЕНЕВ «Ася».

«Каждый человек должен делать своё дело во всю силу своих способностей, со всей энергией, которой он обладает, — лучше из нас особенно хорошо знают это, и трудовой героизм их служит примером для всего трудового народа СССР и всего мира. Время для нас дорого, нельзя терять даже минуты свободного времени».

М. ГОРЬКИЙ «Рабочим Магистров».

В начале тридцатых годов Глинка путешествовал заграничной, арициательно аинкая в музыкальное искусство Европы. В то же время и него, по собственным словам, мысль о национальной русской музыке всё более и более прояснялась. Будущий автор «Ивана Сусянина» писал одному из петербургских друзей:

«Приняться ли тебе? Мне кажется, что и я тоже мог бы дать на нашем театре сочинение больших размеров. Главное состоит в выборе сюжета. Во всяком случае он будет соответствовать национальным. И не только сюжет, но и музыка: я хочу, чтобы мои дорогие соотечественники были тут, как у себя дома...»

А спустя два года летовая русского искусства украсилась памятной датой: 27 ноября 1836 года в Петербурге состоялось первое представление оперы Глинки «Иван Сусянин».

Знался новая зря для русской народной музыки, и писателя русской музыкальной мысли тогда же прозорливо писал: «Под пером Глинки наша отечественная музыка в первый раз явилась достойной исторических судеб родного края и нравственного величия русского народа...»

До самого последнего времени оставалась неизвестной одна страница из юности биографии Глинки, которая по-новому раскрывает творческую историю нашей первой отечественной героической оперы. Ещё тогда, когда будущий автор «Ивана Сусянина» разыгрывал на фортепиано первые гаммы и извлекся в мечтах своего отца, в селе Новоспасском, на Смоленщине, в одном из старинных журналов было начато любовное сочинение:

Читай о былом...

ПАМЯТНИК РУССКОЙ СЛАВЫ

вержело было равной участи с прочими селениями Смоленской губернии. Помощью того села, капитан Глинка, обременённый многочисленным семейством, удалился, по мере приближения неприятеля, в другие губернии...»

Средя этого многочисленного семейства отцовского капитана Глинки находились тогда и старший его сын Михаил.

Отъезд из Новоспасского был тревожный. Зарево войны уже стояло над Смоленском. У барского подъезда толпились крестьяне и дворяне. Но вот сборы и прощанье кончались. Коня крото звали с места, и колеска покатилась...»

Новоспасское заткнуло и историческую в оживлении знойной громы. Новоспасские крестьяне объединялись в партизанские отряды и обилии силами нападали на врагов, устремлявшихся к грабежу и разорению.

«30 августа 1812 года, — повествуется далее журнальное известие, — отряд неприятеля окружил Новоспасскую церковь... Враги, тиетно сшибившись пробиться в железные двери и ронять, сделали выстрел из ружья в окошко. Не надеясь ворваться в церковь, злодей бросился грабить усадьбу Глинок...»

Как и все Смоленские, Новоспасское было охвачено огнём партизанской войны. А в мае 1813 года вместе с родственниками в освобождённое от неприятеля Новоспасское вернулись юный Глинка и прожил здесь до четырёхдцати лет, до самого отъезда в петербургский университетский пансион.

Молодой Глинка увидел родной край, ещё дымящийся войной. Его земляки предстали перед ним, овеянные слогом подвига, которые они совершили в 1812 году, по примеру построения своего героя Ивана Сусянина. Какие волнующие были могли поразиться Глинке его близкие родичи, участвовавшие в народном ополчении против Наполеона! Какую храсорочивую историю народной борьбы иници Глинка старая Новоспасская церковь, её железные двери, исколотые вражескими штыками, и решётки на уцелевших окнах, зарубленные напалмом...

25 декабря 1814 года Россия, провозгласив освобождение всей Европе от ина Наполеона, праздновала торжество победы. «Во весь тот день, — гласил манифест, — быть колокольному звону». Было о чём петь и что торжествовать в этот памятный день и Новоспасским колоколам, зван которых Глинка любил с юных лет.

Так самая жизнь развертывала перед будущим автором «Ивана Сусянина» летопись народного мужества и стойкости.

Двадцать лет спустя в том же родном Новоспасском Глинка, уже осмыслительно вынашивший идею о первой русской опере с истинно национальной музыкой и национальным сюжетом, работал над партитурой «Ивана Сусянина». Живое прошлое ярко вставало перед глазами очевидца героической эпохи. И, может быть, скромные Новоспасские колокола снова вспомнились ему, когда в генеральном фильме оперы торжественные колокола звенели в ликующий хор: «Славяся, славяся, святая Русь...»

Великий музыкант, младший современник Отечественной войны 1812 года, запечатлел поистине на все времена в бесмертном образе Ивана Сусянина бесстрашие и героическое мужество русского народа, беззастенчивую любовь к свободе и независимости родной земли.

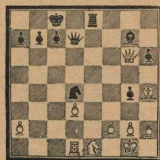
Е. Канн

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера Василия Смыслова

Ловля ферзя

Черные: Авербах.

Белые: Соловьев.

Это положение сложилось в партии Соловьев—Авербах, игранных в турнире на первенство спортивного общества «Зенит» 1945 года. Фигуры черных распеколены активнее, но на первый взгляд ничто не предвещает быстрого конца. Тем эффективнее комбинация атак, осуществленная молодым мастером Авербахом в этой партии.

1. ... Kd4—e2+1
2. Kpe1—f1 Ke2—f4

3. Фe6—h7
Единственное отступление! Теперь черные подводят все свои фигуры для полного заточения неприятельского ферзя и больше не могут этому помешать. Редкая ситуация в практической игре.

3. ... Фf7—g7
4. Лf4—c1 Kf4—g3
Итак, ферзь окружен. Остается только выиграть его ходом 5. ... Лh8.

5. Сh4—g3 c7—e6
6. Le1—c5 ...

Последняя попытка — осложнить игру в ответ на 6. ... Лh8 ходом 7. Лf5. Однако следует красный ответ:

6. ... c6g7—c5!
Белые сдались.

Из шахматной старины

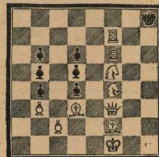
Важнейшей задачей каждой серьезной шахматной встречи является шахматные часы, отмечающие количество времени, которое противники тратят на обдумывание ходов. Необходимость в них возникла в середине прошлого столетия, когда в ряде стран началось бурное развитие шахматного искусства и стали регулярно проводиться международные турниры.

До появления шахматных часов некоторые шахматисты злоупотребляли на турнирах тем обстоятельством, что время на обдумывание ходов не было ограничено. Так например один из наиболее выдающихся мастеров XIX века Луи Паульсен буквально выводил страх на сонит противников крайней медлительностью игры. В партиях против знаменитого Марфи, игранных на ньюйоркском турнире 1857 года, он тратил на обдумывание ходов в 3—4 раза больше времени, чем его противник. В результате один из партий между ними, содержавшая лишь 34 хода, продолжалась 11 часов вместо примерно 4 часов по современному регламенту.

В турнирную практику шахматных часов вошли в конце шестидесятых годов прошлого века. Вначале пользовались лесочными часами, а начиная с Лондонского турнира 1883 года перешли к шахматным часам, применяемым и поныне. Первоначально контроль времени был установлен в 20 ходов в час, потом назвали применять правило о 30 ходах в 2 часа (считя этот же темп игры) — 2½ часа на 40 ходов — общепринят и в настоящее время).
Лишь однажды, в Нюрнбергском турнире 1906 года, по истинности одного из сильнейших шахматистов мира — Тарраша — была сделана попытка отказаться от часа. При этом была установлена сложная система денежных штрафов за злоупотребление временем на обдумывание ходов. Однако попытка эта окончилась пол-

ным провалом. Например бессодержательная ничья в 28 ходов между Шахтером и Маршаллом продолжалась 8 часов. Вскоре за болельщиков участников достигла нескольких тысяч марок, и многие из них должны были бы быть исключены из турнира после известного места провоза и кредиторского. Всю эту систему пришлось отменить и кое-какие довести сильно затнувшись, турнир до конца. С тех пор никто уже не решился посягать на шахматные часы, на которые с бо́льшим подглядывают самые знаменитые шахматисты мира, опасаясь подстерегающего их злейшего врага — цейтнота.

Возможно ли это?

Белые дают черному королю мат лешкой c2, не беря ни одной из черных пешек и не меняя их позиций. Возможно ли это?

По горизонтали:

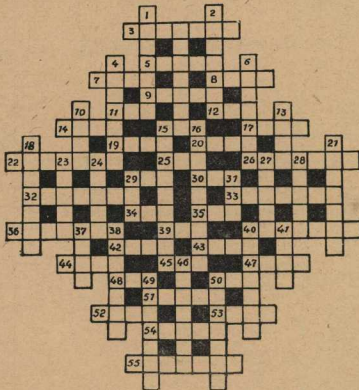
3. Древнее название Британских островов.
5. Город во Франции.
7. Рабочая одежда матросов.
8. Спрятанные сокровища.
9. Жемчужное пальто.
11. Насекомое.
12. Одно из состояний воды.
14. Река в СССР.
15. Самовольный фронт.
17. Пашаа соборной сестры.
18. Краска.
20. Украшение авиале рисунка.
22. Древнее судилище в Афинах.
25. Угловый бассейн в Европе.
26. Искусный гимнаст.
29. Исходный пункт летоисчисления.
30. Знаменитый английский трагик.
32. Ирландия.
33. Заплата.
34. Прелезное ивижение острова Чадлов.
35. Вертикальная женская одежда.
36. Вид водного транспорта.
39. Восток.
40. Знаменитый английский физик.
42. Изобретение явского божества.
43. Музыкальный инструмент.
44. Город в Швейцарии.
45. Порт на Охотском море.
47. Герой романа Жюль Верна.
48. Термин в спортуных играх.
50. Крупная птица, водившаяся раньше в Новой Зеландии.
51. Часть сцены.
52. Мозг.
53. Остров в Средиземном море.
54. Река во Франции.
55. Известный русский зодчий.

По вертикали:

1. Штат в США.
2. Журнал, издававшийся Герценом.
4. Река, впадающая на сине лица.
6. Украинский музыкальный инструмент.
10. Лестница из кораблей.
13. Порт во Франции.
15. Французский танец.
16. Область в Средней Азии.
18. Старое название породистой восточной лошади.
21. Немножкая стена, замещающая перила.
- 23.

КРОССВОРД

Составил А. Шилькович

27. Верхушка дерева.
28. Волшебная трава.
29. Птица из породы страусовых.
31. Конец реи.
37. Приправа.
38. Варьянчатое вещество.
40. Изувер.
41. Часть олова.
45. Ежегодный большой базар.
49. Городской транспорт.
50. Известный русский адмирал.

Ответы

КРИПТОГРАММА (№ 20—21)

- I. Суворов.
- II. Менделеев.
- III. Тороп.
- IV. Женева.
- V. Дунай.
- VI. Новосибирск.
- VII. Панао.
- VIII. Топор.
- IX. Пыж.
- X. Дождь.
- XI. Дыня.
- XII. Пырей.
- XIII. Тетерев.
- XIV. Пульк.
- XV. Лошадь.
- XVI. Шалап.
- XVII. Шил.
- XVIII. Шаньчэнь.
- XIX. Суджон.
- XX. Норланд.
- XXI. Дреуха.
- XXII. Тютю.
- XXIII. Нена.

Наша родина открывает большие просторы перед учебным, и нужно отдать должное, — науку стране вводит в жизнь в нашей стране. До последней степени шедроз И. П. Палаев.

ГОЛОВОЛОМКА (№ 20—21)

Текст читается с помощью зеркала. «Молодость счастлива тем, что у ней есть будущее» (Гоголь).

Ответственный редактор — Борис ВОТЕХОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А-01441.

Подписано к печати 23/IV—46 г. Формат 11x110 мм. 4½ печ. л.

№ в печ. л. 93.000.

Заг. 68.

Тираж 30 900 экз.

Изд. № 932

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Кто они?

Мы помещаем девять портретов знаменитых писателей, композиторов и художников, чьи имена широко известны нашим читателям. Эти портреты относятся к первым годам их творчества. Кто изображен на портретах?

